

Анатолий Сидорин: стихи и проза

В издательском отделе вышли из печати две книги одного автора. Он хорошо знаком читателям нашей газеты, более того, часть его произведений, вошедших в книги, публиковались на страницах еженедельника. Одну из первых его публикаций редакция даже снабдила коротким послесловием: "В очередной раз представляя на страницах газеты, может быть, несколько странный для нашего издания по жанру материал этого автора, мы планируем вскоре начать публикацию фрагментов из его "самиздатовской" книги "На берегу океана", в которую вошли лирико-философские эссе, путевые заметки, рассказы о научных центрах, в которых ему удалось побывать. Мы очень рады продолжению нашего творческого содружества с Анатолием Сидориным, и надеемся, что ожидания не обманут вас".

Ожидания не обманули. Во-первых, книга стихов "Косматый лебедь" - тончайшие оттенки настроений, палитра красок, слегка приглушенная благородной патиной времени, путевые зарисовки, вырастающие в философские символы. Когда читал его стихи, в памяти всплыли строчки воспоминаний Вознесенского о Лорке:

Поэзия - прежде всего чудо, чудо чувства, чудо звука и чудо того "чуть-чуть", без которого искусство немислимо. Оно необъяснимо... Как прозой объяснить колдовство этих строк:

*Пускай узнают сеньоры
о том, что я умер, мама,
пусть с Юга летят на Север
синие телеграммы!*

Тоскую по Лорке. Тоскую по музыке его, пропахшей лимоном и чуть горчащей.

Вторая книга, в аннотации которой автор представлен как доцент базовой кафедры МИРЭА "Электроника физических установок" при УНЦ ОИЯИ, кандидат физико-математических наук, имеет формат учебно-методического пособия и по структуре своей формально же его имитирует. Это игра. Это тонкая стилизация. На самом деле книга "Теоретические основы кулинарной магии", по словам автора, "преследует цель пропаганды эстетических вкусов автора и его представления о добре и зле". "Мне захотелось, - пишет автор в предисловии, - развернуть сухой перечень ингредиентов какого-нибудь простого блюда в рассказ о мире, в котором мы живем". И рассказ этот получился осязаемым и обоняемым, магически наполненным всеми мыслимыми ароматами, перелитыми в строчки, от которых трудно оторваться...

Евгений МОЛЧАНОВ

Анатолий Сидорин

Теоретические основы кулинарной магии

Аннотация

Учебное пособие написано доцентом базовой кафедры МИРЭА «электроника физических установок» при УНЦ ОИЯИ кандидатом физико-математических наук А.О.Сидориным. Оно содержит изложение теоретических основ кулинарной магии, начиная с краткого введения в философию чуда и обоснования базовых постулатов общей магии. Пособие содержит так же практические примеры создания и применения заклинаний, рецептуры и технологию приготовления нескольких блюд.

В приложениях к пособию содержится справочный материал, касающийся специфических особенностей японской кухни, мифологии и организации ритуальных шествий в Японии, приводятся сравнительные характеристики таких популярных блюд быстрого питания, как сырная палочка, гамбургер, сэндвич и пицца, анализируется современный уровень развития космологии, приведены основные параметры крупнейших ускорительных установок США и т.п.

Пособие предназначено для студентов и аспирантов инженерных и технических специальностей. Знакомство с ним может быть полезно так же для практикующих магов и кулинаров.

Содержание

Предисловие	3
1. Философия чуда	5
1.1. Несколько слов о теории	5
1.2. Небольшое лирическое отступление	6
1.3. Так и где же здесь волшебство?	7
1.4. Прояснение	8
1.5. Кто творит чудеса?	10
2. Апология магии	12
2.1. Труд	13
2.2. Язык	14
2.3. Память	16
2.4. Приготовление пищи. Огонь	17
2.5. Плачевные итоги	18
2.6. Онтогенез	18
2.7. Точка сборки	19
3. Принципы кухонного волшебства	21
3.1. Главный принцип кулинарного искусства	21
3.2. Родина чуда	21
3.3. Шагадам, магадам, выкадам	23
3.4. Пример действенности заклинания, хорошо известный мужчинам	25
3.5. Музыка	25
3.6. Как научится готовить	26
4. Воплощение магии	28
4.1. Рецепт не догма	28
4.2. Варю борщ для мамы	29
4.3. Поход на рынок	29
4.4. Первая стадия ритуала	30
4.5. Песенка про Красную шапочку	30
4.6. Методика	31
4.7. Динамика	32
4.8. Награда волшебнику	33
Заключение. Рецепт моей бабушки	34
Приложения	
А. Особенности японской кухни	35
Б. Добродушный дракон	37
В. Тропой удивления	40
Г. В волшебной стране	43
Д. Оправдание чуда	49
Е. Мария – королева цыган	52
Ж. Янь и инь	54
З. Что такое звезда	58
И. Аватара	60
К. Сырная палочка	63
Л. Пролегомены	65

Предисловие

Любая техническая книга, будь то справочник монтера-любителя или сборник кулинарных рецептов, кроме своего прямого назначения неявно преследует цель пропаганды эстетических вкусов автора и его представлений о добре и зле. Как бы сухо ни был преподнесен материал пособия, через мелкие едва уловимые детали обязательно проглянет физиономия его создателя. По случайным оговоркам и неожиданно более эмоциональным, чем требуется, замечаниям можно угадать и приметы той среды, в которой он формировался как личность, и даже восстановить некоторые эпизоды его биографии.

Например, чего стоит такое, внешне невинное, замечание, как: «... и не забудьте добавить щепотку перетертой лимонной цедры»? Какому уроженцу средней полосы придет в голову акцентироваться на такой детали? О существовании такого продукта он узнал уже в зрелом возрасте, когда обучался кулинарному искусству, и для него это такой же технический термин, как, например, «артишоки» или какой-нибудь «галапено». Напоминать о таких вещах ему покажется бессмыслицей: раз по рецепту положено, то нужно добавлять, и все тут. Вот если он будет обучать рецептам русской кухни, скажем, японцев или эскимосов, то обязательно напомним, что красная свекла не просто один из элементов списка, а тот продукт, без которого борщ не получится. Напомнит потому, что он это знает с детства и не через название, а через вкус и запах продукта, а аудитория его плохо восприимчива к подобной экзотике.

Но не желание сочинить задачник по герменевтике или сборник упражнений на искусство чтения технических текстов было моей целью при подготовке данного пособия. Скорее наоборот – мне захотелось развернуть сухой перечень ингредиентов какого-нибудь простого блюда в рассказ о мире, в котором мы живем. Чтобы читателю дотошному не пришлось выковыривать меня из тесной ракушки рецепта, а сразу стало понятно: ага, вот куда зовет нас этот странный тип, вот о чем говорят эти его свежие овощи!

И в первую очередь я должен сознаться, что как волшебник я намного сильнее, чем как кулинар, и кулинарная магия не является для меня профильной дисциплиной. Готовить я начал с раннего детства и к окончанию школы мог самостоятельно испечь эклеры или сметанный пирог с яблоками, невесть откуда почерпнул английской премудрости, достаточной для приготовления двух-трех разновидностей омлета, мог пожарить картошку и сварить примитивный суп. Сейчас я без страха покупаю любой продукт, имеющийся на рынке или в супермаркете, с уверенностью, что способен довести его до съедобного и даже вкусного состояния.

Несмотря на это вряд ли я смогу кого-то удивить изысканным рецептом, в первую очередь потому, что в кулинарии я с детства застыл на принципах примитивизма, в соответствии с которыми повар, выйдя на свой приусадебный участок, составляет меню предстоящего обеда из того, что видит вокруг себя. Урбанизация жизни привела к замене приусадебного участка на магазин или рынок, но оставила неизменной основную творческую установку. В этом смысле знания мои очень ограничены, почти убоги. И все-таки, я рискнул взяться за труд о кулинарии потому, что твердо уверен – опытный волшебник, благодаря более широкому взгляду на предмет, способен сказать нечто полезное не только начинающему кулинару, но даже и профессионалу.

Большая часть из того, что я собираюсь рассказать, известна любому человеку, хотя бы на интуитивном уровне, просто через практику семейных и общественных отношений, в которые он с детства включен. О понимании того, что целью приготовления пищи

является не просто утоление голода, но в не меньшей степени и совершение чуда, говорит хотя бы такая идиома, как «колдовать на кухне». В том или ином виде описание ритуалов, совершаемых при стряпне, вы найдете и во многих книгах по кулинарии. Свою задачу я вижу лишь в систематизации этих представлений, более четкой формулировке и расставлении акцентов.

Итак, о чем же эти заметки? А вот о чем. На первом плане у нас будет рассказ о способах и приемах приготовления пищи. Рассказом о способах приготовления пищи я буду рассказывать о способах подготовки чуда. Но это лишь второй план. Рассказом о магии я буду рассказывать о себе, о местах, в которых вырос, о людях, с которыми встречался и которых люблю. Но самое главное – а о чем же я расскажу, рассказывая о себе? У меня нет прямого ответа на этот вопрос. Я могу сказать лишь примерно так: если мы вместе – я, поставив последнюю точку, а вы, дочитав до нее – почувствуем, что чудо состоялось, то это значит, что свою задачу я выполнил.

Но это – содержательно, а структурно пособие разбито на четыре части. Две первые из них – чисто теоретические, лишь косвенно связанные с кулинарией как таковой. Если они покажутся Вам излишне сложными – можно, без особого ущерба для восприятия основного материала, просто пропустить их. Часть третья скорее морализаторская, чем полезная с точки зрения практики: в ней автор предстает в позиции нерадивого священника, советующего делать так, как он говорит, а не так, как делает. Если Вы не большой любитель выслушивать скучные наставления, то смело пропускайте и эту часть. В части четвертой описана технология приготовления борща. Трудно найти хозяйку, для которой борщ не является фирменным блюдом. Поэтому описанная в пособии процедура скорее способна вызвать улыбку, чем научить чему-то полезному. Если Вы пропустите и эту часть, то впереди Вас ожидает еще заключение, с подзаголовком «Рецепт моей бабушки». Бабушка моя готовила плохо, поэтому к рецептам ее блюд человеку не склонному к авантюрам я бы рекомендовал относиться с изрядной долей скептицизма.

Замечательно! – воскликнет читатель, ценящий свое время, - Приятно иметь дело с учебным пособием, которое, совершенно без ущерба для овладения предметом, можно целиком проигнорировать. Но есть ли здесь хотя бы одна строчка, которую действительно стоило бы прочитать? Если верить Валерию Брюсову, то, зачастую, длинные стихотворения и даже целые поэмы пишутся ради одной единственной строки. Есть такая строка и в моем пособии: это последняя строка на последней странице. Нет, нет, не листайте – вот она: «плошка с крупными кристаллами сивашской соли», и, не будь я таким занудой, я вынес бы ее в заглавие. Так начнем же наш путь к ней!

Кулинарное искусство – исторически первая и поэтому древнейшая отрасль магии. За время своего существования оно успело накопить огромный пласт технических приемов для достижения своих целей. И для того, кто только пытается овладеть этой техникой, и для того, кто уже активно использует ее как специалист, за всем этим обилием инструментов, продуктов, специй, технологий очень легко потерять основную цель процесса. А цель приготовления пищи, здесь я не побоюсь повториться, вовсе не в том, чтобы какие-то продукты довести до съедобного состояния, а, как и у любого магического искусства, главная цель – это сотворить чудо. И если вы не знакомы с основными принципами подготовки чуда, то самые глубокие знания кулинарной техники будут лишь пустым балластом.

1. Философия чуда

В работе «К вопросам ленинизма» (1926 г.) Иосиф Виссарионович Сталин пишет: «...любое явление может быть понято, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений». Хотя это положение марксистского диалектического метода, несомненно, имеет огромное значение для научного познания, я остановлю внимание в приведенной выше цитате только на первом слове: «любое». Жесткое такое слово, колючее! Его всеобщность чисто интуитивно вызывает сомнение в его правильности.

Для подготовки к восприятию дальнейшего материала, я сформулирую это сомнение так: «А любое ли явление находится в неразрывной связи с окружающими его явлениями и обусловлено ими?» Независимо от того, существует ли правильный ответ на этот вопрос, я в дальнейшем буду исходить из отрицательного. И явление, стоящее особняком среди явлений, его окружающих, я буду называть «чудо». Моя убежденность в существовании чудес основана, в первую очередь, на личном опыте. Но заразить вас этой своей уверенностью лишь одна из моих задач, причем не самая главная. Даже если вы не верите в чудеса, попробуйте добросовестно следовать тем практическим советам, которые от меня услышите, и они помогут вам решить многие проблемы.

К тому же в вопросе о существовании чудес на моей стороне выступает огромное количество разнообразных магов, волшебников, экстрасенсов, колдунов, шаманов и пр., рекламу услуг которых вы найдете почти в любой газете. А их притязание на умение обращаться с чудесами обосновывает масса оккультных, эзотерических, спиритуалистических дисциплин. С них я и начну рассказ о чуде.

1.1. Несколько слов о теории

В большинстве школ волшебников, на факультетах магии и оккультных семинарах преподавание основ магии начинается и сопровождается изложением некоторых теоретических представлений об устройстве мира, места и роли в нем человека. Например, о физическом, эфирном, астральном, ментальном и пр. планах реальности, о семи чакрах, об информационных и энергетических потоках и т.д. Что я могу заметить в отношении такой практики? Любая теория имеет три основных недостатка: первое – она приближительна, второе – она неточна и третье – она неверна. Чтобы понять источник этих недостатков достаточно задуматься над таким вопросом: «А можно ли словом описать процесс возникновения слова, если на начальных стадиях этого процесса слово еще не существует?»

Вышесказанное вовсе не означает, что я враг всяческих теорий. Более того, я сам собираюсь предварить мои практические советы некоторым теоретическим обоснованием. Я просто скептически отношусь к тем теориям, которые представляют собой слабо систематизированный набор сведений, сдобренный не всегда подобающей терминологией, истинность которых подтверждается только откровением особо одаренных учителей. Собственные теоретические представления я постараюсь высказать не в форме системы знаний, а в форме вопросов, точные ответы на которые я не знаю. Как мне кажется, это те вопросы, над которыми стоит подумать каждому человеку самостоятельно и придти к тем ответам, которые именно ему покажутся правильными. Из этих ответов, если они сложатся в непротиворечивую картинку, и может возникнуть некоторая теория. Я же ограничусь лишь изложением собственных размышлений, возможно не до конца логичных и порою поверхностных.

Я – волшебник практикующий, поэтому, как и представитель любой технической дисциплины, в области своей профессиональной деятельности твердо стою на позициях материалистических. Для понимания смысла всех магических процедур, которые я могу успешно осуществлять, мне вполне достаточно знаний, накопленных современными естественными науками.

К этому я замечу, что стихийный материализм науки вовсе не обязательно должен входить в противоречие с религиозными убеждениями естествоиспытателя. Я не буду приводить многочисленные исторические примеры или повторять аргументы Фомы Аквинского о независимости областей открытых научному и религиозному познанию, я просто замечу, что для человека религиозного то, что я рассказываю, покажется даже более убедительным и естественным, чем материалисту. Моя уверенность в этом следует из того простого факта, что религиозная практика, как и практика магическая, в существенной степени основана на ритуале. Более того, любой священнослужитель - это в первую очередь главный участник и организатор ритуальных действий, и в этой ипостаси его можно считать волшебником, только сильно идеологизированным.

Что касается эзотерических, астрологических, энергетических и прочих модных учений, то они содержат достаточно много полезных практических советов, поэтому хотя бы беглое знакомство с ними будет полезно любому волшебнику. Однако, их попытки свести идеальное к действию некоторых материальных сущностей (типа «биополя», «информационных» или «энергетических» потоков), неизвестных современной науке, очень сильно напоминает мне тезис Дицгена о том, что «мозг выделяет мысли, точно так же, как селезенка выделяет желчь». Кроме того, запутанная терминология этих дисциплин порою откровенно затемняет совершенно прозрачные физические явления.

Для иллюстрации последнего тезиса я позволю себе небольшое лирическое отступление, не имеющее прямого отношения к обсуждаемому предмету.

1.2. Небольшое лирическое отступление

Почти любой практикующий экстрасенс использует наблюдение ауры органов тела либо для диагностики заболеваний, либо для определения эмоционального состояния пациента. Но после теоретического объяснения природы ауры и методов ее наблюдения, преподносимого различными «учителями» и их толкователями, складывается впечатление, что увидеть ауру может только особо одаренная личность, и эта способность дается от рождения. Тогда как, на самом деле, научиться наблюдать ауру может практически каждый человек, не имеющий органических пороков зрения.

С точки зрения физико-химической человеческое тело не заканчивается поверхностью кожи. Благодаря более высокой, чем у окружающей среды, температуре и кожному дыханию, тело окружено газовой прослойкой, химический состав и температурный режим которой отличается от атмосферного. Эта газовая прослойка, или аура, является образованием нестационарным, слои ее двигаются вдоль тела, что при некоторых условиях может приводить к образованию астральных тел, нимбов, гало и пр. Состояние ауры свидетельствует о здоровье кожных покровов и некоторых внутренних органов. Здоровая аура совершенно необходима, к примеру, для полярников, так как именно она спасает кожу от обморожения. Именно поэтому в шляпке с вуалью зимой заметно теплее – при ничтожных теплоизолирующих свойствах вуаль предохраняет ауру лица от повреждений.

Что же делает ауру доступной визуальному наблюдению? В основном два ее свойства. Повышенное содержание углекислого газа и паров воды, которое несколько изменяет коэффициент преломления, и, кроме того, аура является поляридом, т.е. влияет на такую характеристику проходящего через нее света, как поляризация. Глаз человека способен воспринимать поляризацию света. Даже нетренированный человек легко отличит планету от звезды на ночном небе, а перепутать предмет с его отражением в воде можно только на фотографии или картине. Именно благодаря своим поляризационным свойствам аура наблюдается или как слабо светящийся (голубым или золотистым светом) или как темный объект.

Соответственно, техника наблюдения ауры должна быть примерно следующей. Начинать проще с наблюдения ауры пальцев руки, сначала лучше смотреть только одним глазом, а второй закрыть ладонью. Смотреть нужно не на сами пальцы, а мимо них на какой-нибудь удаленный предмет. Мышцы хрусталика глаза постараться максимально расслабить. Именно расслабление глаз и требует наиболее длительной тренировки. Типичная ошибка начинающих – они напряженно всматриваются в исследуемый участок тела, тогда как требуется действие прямо противоположное. Если вы все будете делать правильно, то первоначально вы заметите ауру как очень тонкий светящийся контур, облегающий пальцы. После этого дело пойдет быстрее, и при регулярных упражнениях вы скоро научитесь не только замечать ауру, но и видеть ее структуру.

После таких моих комментариев, я думаю, большинство читателей вспомнит, что хотя бы несколько раз мимолетно они наблюдали ауру или свою, или других людей. Конечно, лучше осваивать эту технику под руководством хорошо знающего ее учителя – он может подсказать вам некоторые специфические, подходящие именно вам, приемы. Но можно пробовать овладеть ею и самостоятельно. У некоторых людей, благодаря особенностям зрения, глаза настраиваются самопроизвольно, и они видят ауру постоянно.

Если у вас нет времени или желания заниматься тренировкой глаз, то в жаркий, но безветренный, летний день внимательно присмотритесь к собственной тени. Вы заметите, что границы тени от открытых участков тела куда менее контрастны, чем границы тени от одежды. Размытие тени и есть результат действия ауры на проходящие через нее лучи света. Если у вас есть достаточно хороший цифровой фотоаппарат, то попробуйте фотографировать людей через поляридную насадку на объектив (такие обычно используют рыбаки, чтобы сфотографировать рыбу под водой – они убирают отраженный от поверхности воды свет). Удачно выбрав освещение, фон, и угол поворота насадки вы завалите снимками астральных тел все журналы по парапсихологии.

Ну, так и где же здесь лирика? – спросит меня читатель поверхностный. Ну, так и где же здесь волшебство? – спросит меня читатель более дотошный.

1.3. Так и где же здесь волшебство?

Как бы неожиданно для вас это ни прозвучало, но не чудо как таковое является целью деятельности волшебника. Происходящие при его участии чудеса служат ему лишь в качестве указания на то, что он работает в правильном направлении и хорошо усвоил те или иные заклинания, те или иные технические приемы. Но он вовсе не тот человек, который может творить чудеса по заказу.

Снятие сглаза, наговора и стресса, нормализация обменных процессов в организме, выведение из депрессии, приготовление разнообразных зелий и прочие полезные результаты работы колдуна не имеют никакого отношения к чуду. Их достижение требует

лишь наличия некоторых природных склонностей и владения набором ремесленных навыков. В принципе, после определенной подготовки, длительность которой зависит от способностей, все это может осуществить практически любой человек, вовсе не являющийся волшебником.

Может быть, отношения волшебника и чуда станут вам понятнее, если пояснить их на примере внешне более привычном. Так, любой поэт может сочинить стихотворное поздравление вашему начальнику на день рождения. И он сделает это, если вы сговоритесь о цене (а поэты, как правило, живут впроголодь, поэтому торг уместен). Но стихотворное поздравление начальнику к поэзии имеет косвенное отношение, и поэт - это вовсе не тот, кто занимается подобными поделками.

Только наше меркантильное время могло породить таких словесных монстров, как «профессиональный волшебник», «профессиональный поэт» или «профессиональный музыкант». Для любого настоящего художника такие определения звучат скорее как оскорбления, чем как знак общественного одобрения. Да, сегодня поэт, чтобы прокормить себя, должен торговать строчками, музыкант выносит на рынок свои мелодии. Но ни один из них не творит ради пропитания. Творить ради денег это такой же нонсенс, как торговать чудесами.

Вместе с тем, с какими заказами обращается клиент к колдуну? - Вот тебе 30 серебряников, и соверши-ка ты мне за них то-то и то-то. Скажем, нарезал я из газеты заготовки, а ты преврати мне их в стоевровые купюры. Ну, во-первых, превращать обрывки газеты в купюры это не чудо, а мошенничество. Во-вторых, волшебник не творит чудо, он лишь чувствует его приближение и помогает ему состояться. Но что это будет за чудо, и как оно повлияет на жизнь человека, заранее никто предсказать не может.

В этом смысле, продолжая аналогию, волшебник это тот же поэт. Стихотворения действительно художественные поэт творит в состоянии вдохновения, которое близко по эмоциональному накалу к напряженному ожиданию или предчувствию. Свою работу он считает удавшейся, когда интуитивно понимает, что созданные строки способны что-то изменить в душе того, кто их прочитает. Но как и почему произойдет этот переворот в душе читателя, и как этот переворот скажется на его дальнейшей судьбе, поэт знать не может. А откуда приходит к поэту понимание ценности созданного произведения? – написание строк талантливых изменяет душу самого поэта, и таким образом чудо, вызываемое поэтическим словом, происходит дважды.

Волшебник, в отличие от поэта, не ограничивается в материале для своего творчества только письменным словом, его материал – это вся его жизнь, и чудеса, явлению которых он способствует, происходят не только в душе, но и в мире. Чтобы читатель не счел эту фразу пустой риторикой, стоит попробовать, наконец, прояснить понятие чуда.

1.4. Прояснение

В соответствии с достаточно распространенным заблуждением, часто чудом называют какое-нибудь явление, внешне противоречащее современным научным представлениям. К чудесам, например, относят такие явления, как телекинез (перемещение предметов усилием воли) или телепатию (т.е. чтение мыслей, и передача мыслей на расстоянии). Причем, что считается в них «чудесным»? – отсутствие наблюдаемого материального посредника между взаимодействующими объектами.

Но в таком случае чудом можно было бы считать, например, и всемирное тяготение. Так теория гравитации Ньютона была основана на принципе дальнего действия, хотя за это никому и в голову не приходило относить ее к оккультным наукам. Современные теории предполагают наличие гравитона – частицы переносящей гравитационные взаимодействия, но такая частица до сих пор экспериментально не обнаружена. Более того, утверждение о том, что тела лежащие сейчас у меня на столе (а это изрисованные семиконечными звездочками листы бумаги, авторучка из отеля «Рива дель соло», ленточка от флэшки, выцветший купон пассажира рейса Москва – Франкфурт, собранный пазл со львенком и черепахой, билет на лискинский стадион на матч местного «Локомотива» с московской «Никой», книжка Алексея Кольцова, монетка 50 оре и прочие совершенно не связанные друг с другом случайно собравшиеся артефакты) взаимно притягиваются, не поддается экспериментальной проверке с помощью самых высокоточных современных приборов. И человек здравомыслящий, но абсолютно не знакомый с физикой, просто поднимет меня на смех, услышав от меня об их взаимном притяжении. В лучшем случае он ограничится фразой: «Да Вы, батенька, поэт!»

Но если я на глазах человека здравомыслящего подвину у себя на столе какой-нибудь предмет, например, ленточку от флэшки или монетку, не прикасаясь к нему руками, а, затем, объясню, на основе каких физических явлений это действие становится возможным и каким образом научиться делать подобное самому, то этот человек здравомыслящий резонно заметит: «Ну, так и что же здесь удивительного?». Я не стану вдаваться в подробности техники телекинеза, иначе и без того вальяжно растекающийся рассказ мой просто утонет в лирических отступлениях, я лишь акцентирую ваше внимание на слове «удивление».

Несомненно, чудо – это что-то удивительное, то есть явление, вызывающее удивление. Но не все удивительное является чудом. С удивления начинается любая наука, а так же и философия. Впервые отчетливо это сформулировал Аристотель. Философию, как дисциплину, идущую после физики, систематизаторы Аристотеля нарекли метафизикой. Тем самым, признавая ее лишь одной из наук. Сам же Аристотель, вместо этого корявого термина, предпочитал называть ее мудростью. Со времен Декарта и Бэкона наука постепенно отпала от мудрости и сосредоточилась на изучении объективных закономерностей природы.

Видя нечто, вызывающее удивление, ученый стремится обнаружить те условия, при выполнении которых это нечто будет устойчиво воспроизводиться, независимо от чьей бы то ни было воли. После того как эта задача решена, удивительное становится обыденным. На этом ученый завершает свое исследование и передает результат в руки технолога.

Философ идет дальше, и один из основных вопросов, которые его занимают, можно сформулировать примерно так: «а что в устройстве мира делает возможным превращение удивительного в обыденное?» То есть, сам процесс превращения удивительного в обыденное, происходящий при научном исследовании удивительного, вызывает его удивление. Именно в этом смысле я понимаю следующий тезис Аристотеля: *«Исходя от удивления, мудрость, в конечном счете, приходит к такому удивлению, которое противоположно первоначальному».*

Ученый низводит удивительное до уровня обыденного. Философ видит в удивительном указание на нечто иное, может быть и не менее удивительное, но иное, и, тем самым, начальное удивление переносится на явление совершенно другое. Но не всякое удивительное открыто для этих процедур. Иногда происходят явления, которые вызывают не просто удивление, а изумление, переходящее в восхищение и даже восторг. Научно

исследовать такие явления невозможно, так как каждое из них происходит лишь однажды, и как бы вы не меняли условия эксперимента, воспроизвести такое событие вам не удастся. В изумлении перед таким явлением остановится и мудрец, так как оно светит не отраженным удивлением, а содержит источник удивления в самом себе. Именно это и есть чудо.

1.5. Кто творит чудеса?

Событие, происходящее по чьей-либо воле или по естественным причинам, называется следствием. Чудо, просто по определению, не имеет внешних по отношению к нему причин. Чудо самообусловлено, то есть оно содержит в самом себе собственную причину, все условия собственной реализации. Чудо происходит самопроизвольно, то есть, следуя своей собственной воле.

Если, например, мир был сотворен Богом, то в этом не было ничего чудесного: мир возник вследствие воли Бога. И если все в мире происходит по воле божьей, то в мире нет, и не может быть чудес. Совершенной бессмыслицей звучат для меня, например, такие слова некоторых атеистов: «Пусть бог сотворит мне чудо, тогда я в него уверую!» Это все равно, что попросить сделать черный предмет белого цвета или круглый квадрат. Бог не может творить чудеса. Чудеса никто не может творить. Чудо творит себя само.

Так чем же тогда занят волшебник?

Маг не является ни ученым, ни мудрецом, хотя элементы и научного исследования, и философии присутствуют в его творчестве. Разницу между волшебником и ученым вы почувствуете из следующего примера. Если вы обратитесь к астроному с просьбой устроить солнечное затмение, то он ответит вам, что устроить затмение он не может, так как затмение происходит по естественным причинам, которые от воли астронома не зависят. Но он может, зная законы небесной механики, точно предсказать, когда затмение случится, и научить, как его правильно наблюдать. Если вы попросите о чуде волшебника, то он не сможет ни точно предсказать момент явления чуда, ни в чем конкретно оно будет состоять. В ответ на вашу настойчивость он даст вам закопченное стеклышко, сопроводив подарок словами: «если вы поверите, что это стеклышко волшебное, то оно поможет вам увидеть чудо».

Взаимоотношения мага и мудреца существенно сложнее. Например, то, что вы читаете сейчас, является, с одной стороны, изложением философии чуда, а с другой стороны – это изобретаемое мною заклинание, цель которого помочь состояться чуду понимания в вашей душе. Если мудреца в основном заботит вопрос о том, является ли его теория истинной, то волшебника истинность его теорий волнует в очень малой степени: теория хороша, если она помогает родиться чуду. Но многие явления в мире все же взаимообусловлены, и теория истинная, как правило, и в качестве заклинания работает лучше, чем ложная.

«Ну и где же они, твои чудеса?» - спросит меня человек, любимой поговоркой которого является «чудес на свете не бывает!» Что я отвечу на такой вопрос? – чудо происходит только для того, кто умеет его увидеть. Больше всего на свете цените и лелейте в себе способность удивляться – именно она сделала вас человеком, она хранит вас от бед и дает силы жить по-человечески.

А в отношении чуда - вот вам его пример, приводимый Мерабом Мамардашвили во «Введении в философию»: «Человек, на мой взгляд, – это существо, которое есть в той

мере, в какой оно самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе. Или, другими словами, человек в том человеческом, что есть в нем, не природное существо, и в этом смысле он не произошел от обезьяны. Человек вообще не произошел ни из чего, что действует в природе в виде какого-то механизма, в том числе механизма эволюции. Хотя он четко выделен на фоне предметов, составляющих природу и космос, тем, что мы интуитивно называем в нем человеческим. Но это не может быть приписано по своему происхождению никаким механизмам ни в мире, ни в биологии, ни в самом человеке. Повторяю, человек есть существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается.»

Так вот, в той мере, в какой человек самосозидается, он и является чудом. А магическое искусство - это стихийно возникшая практика, включающая в себя те приемы, которые помогают состояться чуду превращения биологической особи вида гомо сапиенс в человека. Подобно этому, например, педагогика это наука, систематизирующая различные приемы обучения. Но учитель, владеющий этой специфической техникой, может лишь помочь ученику, в душе которого происходит чудо понимания. И когда понимание действительно происходит, оно в равной мере является чудесным и для учителя, и для ученика. И изумление от происшедшего – та награда, ради которой они вместе вдохновенно трудились.

А, вернувшись к Мамардашвили, заметим, что цитата не доказательство, а повод поразмыслить. Так давайте попробуем самостоятельно разобраться, а что же это за чудо «человек», и каким образом он самосозидается. Действительно ли невозможно происхождение человека чисто эволюционным путем? Но эти вопросы относятся уже к области магических дисциплин, и мы переходим к ним в следующей главе.

2. Апология магии

Чтобы разобраться с сутью магии, сначала нужно дать ответ на вопрос: что такое человек? Не в кулинарном эссе да будет сказано, но оципанного Платоном петуха мы обсуждать здесь не будем. И, чтобы получить более осмысленный ответ, попробуем несколько ограничить всеобщность вопроса. Давайте спросим так: а в чем главное отличие человека от других животных? Казалось бы, смысл вопроса не очень изменился, но уже в голове начали роиться какие-то ответы.

Каков же отличительный признак человека, который является его родовым признаком, как существа разумного? Таких признаков несколько, но чаще всего называют три из них. Это изготовление и использование орудий труда, владение членораздельной речью, долговременная память. К ним можно добавить еще добывание и использование огня – длительное время считалось, что огнем человек овладел, будучи уже разумным, но, как показали исследования последних лет, использование огня старше, как минимум, чем владение членораздельной речью.

Интересна сама по себе и история этого вопроса. Каждый из исследователей, впервые серьезно обращавший свое внимание на ту или иную отличительную черту поведения человека, был искренне убежден в том, что именно она и является истинно человеческой. Его убежденность стимулировала многочисленные исследования антропологов, зоологов и зоопсихологов, призванные подтвердить его правоту. А в результате этих исследований с завидным постоянством выяснялось, что качественное отличие поведения человека от поведения животных по данному конкретному признаку отсутствует.

Как своеобразную констатацию патовой ситуации, в которой оказались естествоиспытатели, можно вспомнить характерное место в лекциях по общей психологии Александра Романовича Лурия:

«Я не могу забыть, как примерно 35 лет тому назад мне удалось в Голландии слышать доклад одного известного психолога – Гельба, который сформулировал парадоксальное, но очень правильное положение. Он сказал: «Животное не может ничего делать бессмысленного, делать бессмысленное способен только человек!» Если вдуматься в эту формулу, можно увидеть, что она таит в себе действительно правильное рассуждение. Животное не может делать ничего, что выходило бы из пределов биологического смысла, в то время как человек 9/10 своей деятельности посвящает актам, не имеющим прямого, а, иногда, даже и косвенного биологического смысла.»

Увы, но даже этот абсурдный, маскирующий бессилие науки, вывод о том, что единственным отличием разумного существа от животного является бессмысленное поведение, при его научном исследовании оказался несостоятельным. Еще Йохан Хейзинга убедительно показал, что игровое поведение, общее человеку и животным, в своем чистом виде лишено биологического смысла. Сам же Лурия приводит другое опровержение своего положения: «Может, существует только один момент, в котором животное как будто выходит за пределы этого правила: его мощное развитие ориентировочно – исследовательской деятельности. Наблюдая высших обезьян, И. П. Павлов отметил их отличие от более низко стоящих животных, собак, кошек, тем более от кроликов, морских свинок. Если собаке или кошке нечего делать, она засыпает; если обезьяне нечего делать, она начинает исследовать, то есть ощупывать, нюхать или перебирать шерсть, перебирать листья и так далее. Все это время она занята тем, что Павлов назвал «бескорыстной ориентировочно – исследовательской деятельностью». И, чтобы спасти свою теорию от краха, Лурия вынужден изобретать некий мифический «безусловный ориентировочно – исследовательский рефлекс». Да, так и выдумывание

научных теорий можно отнести к проявлению «безусловного теории – созидательного рефлекса»!

Но все же, хотя бы бегло, пробежимся по упомянутым отличиям поведения человека от поведения животных. А вдруг случится чудо, и нам откроется какой-то неотразимый аргумент в пользу одного из них?

2.1. Труд

Наверное, наиболее показательным примером проблем, с которыми сталкиваются все теории эволюционного происхождения человека, является история взлета и падения марксистской теории трудовой деятельности.

Читатель с солидным стажем, наверное, уже вспомнил одно из магических заклинаний, произнесение которого было необходимо, чтобы состоялось чудо обретения зачета по научному коммунизму: «труд сделал из обезьяны человека». Вспомним и мы его, почерпнув прямо из первоисточника: «Труд — источник всякого богатства, утверждают политикоэкономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, М. 1953, стр. 3.).

Фридрих Энгельс известен как ведущий специалист во всех естественных науках. Я думаю, что именно его героическое опровержение идеалистического второго начала термодинамики послужило примером для многочисленных последователей, клеймящих релятивистскую механику, генетику и кибернетику. Но, как бы там ни было, а акцент на трудовой деятельности, как основном эволюционном факторе при происхождении человека, действительно революционизировал науку и был принят практически всеми исследователями. Причем, понимался он примерно так: если некоторый вид животных начинает использовать и изготавливать орудия труда, то в дальнейшем, чисто эволюционным путем этот вид с необходимостью становится разумным. И ключевым моментом считалось именно изготовление орудий.

Вот, например, какие аргументы в пользу этого приводит К.Э.Фабри в книге «Орудийные действия животных»: «Работа над изготовлением орудия уже не является простой деятельностью, определяемой непосредственным биологическим мотивом (потребность в пище): с этой позиции она бессмысленна, никак не оправдана и приобретает смысл только из дальнейшего использования этого орудия на охоте. Иначе говоря, она требует вместе со знанием выполняемой операции и знания о будущем применении орудия. Будучи основным условием изготовления орудия, оно может быть названо первым проявлением сознания, другими словами – первой формой сознательной деятельности.» Понятно, что после возникновения сознания дальнейшее его развитие может происходить чисто эволюционным путем.

Многолетнее господство такого взгляда отразилось, например, в классификации ископаемых приматов: если рядом с их останками обнаруживали и примитивные орудия труда, то их относили либо к предкам, либо к ближайшим родственникам человека, и называли «людьми», в противном случае они попадали в «обезьяны». Но, увы, любая красивая теория, сообщая своим возникновением мощный импульс в накоплении новых экспериментальных данных, этими же экспериментальными данными, в конце концов, и разрушается. И эрозия марксистских представлений о возникновении человека

происходила сразу по двум направлениям. С одной стороны накапливались данные о вымерших потенциальных предках человека – животных, биологически человеку близких, с другой стороны проводились научные исследования интеллекта животных других видов.

И, в первую очередь, именно изучение жизнедеятельности животных поставило под сомнение тезис о том, что изготовление орудий труда является необходимым и достаточным условием возникновения разума. Начало серьезных исследований интеллекта животных связывают с работой Джорджа Романса, последователя Дарвина, опубликованной в 1882 году. Однако, часть его результатов считается сомнительной, так как он вообще не признавал качественного различия между разумом животного и человека. Как бы там ни было, но на настоящее время имеется множество данных, свидетельствующих о способности многих видов животных использовать и изготавливать орудия труда в своей повседневной жизни. И это касается не только человекообразных обезьян, но, например, таких млекопитающих, как бобры и морские выдры, и даже птиц, таких как галапагосские дятловые вьюрки и дрозды стервятники. То есть, даже если изготовление орудий труда и является проявлением сознательной деятельности, то оно вовсе не ведет к эволюционному превращению животных в существа разумные. Между животным, производящим орудия труда, и человеком по-прежнему остается пропасть, которую невозможно заполнить простым накоплением данного признака.

2.2. Язык

Отчасти и из-за проблем других направлений эволюционной теории, в качестве уникального свойства человека многие исследователи стали считать владение языком. Античным и даже средневековым ученым такая точка зрения, наверное, не могла бы даже и прийти в голову. Как само собой разумеющееся принималось, что все виды животных владеют своим особым языком, по структуре и свойствам близким к языку человека. И языки животных можно изучить и использовать точно так же, как и прочие иностранные языки. Такое мнение, на самом деле, достаточно естественно – мы постоянно наблюдаем, как животные обмениваются информацией посредством разнообразных звуков, жестов, меток на предметах. И человеческий язык, на этом фоне, воспринимается лишь как более развитая форма общения.

Потребовалось существенное развитие самого понятия «язык», чтобы возобладали точка зрения, согласно которой человек – единственный вид из ныне живущих, который обладает языком в прямом смысле этого слова. И определение языка, призванное аккумулировать все его именно человеческие особенности, формулируется примерно так. Язык – это коммуникативная система, владение которой является результатом социального опыта, состоящая из произвольных знаков, которые представляют внешний и внутренний мир, организованная согласно грамматическим правилам и открытая, то есть допускающая неограниченное расширение словарного запаса. Чтобы под определение языка попали и членораздельная речь и жестовый символический язык глухих, с поведенческой точки зрения язык определяется как система самопроизвольных движений, состоящих из некоторых единиц, которые обозначают объекты, события и намерения.

Одним из ключевых моментов в этом определении является то, что языку обязательно нужно учиться, что и делает человек в детском возрасте, тогда как у животных языки наследуются. Соответственно, языки животных состоят из раз и навсегда определенного количества слов, которые имеют фиксированное значение. Увы, но и этот тезис не выдержал экспериментальной проверки.

Прежде всего, это обнаружилось в способности животных к овладению человеческим языком. И здесь на помощь пришел как раз язык глухонемых, как не требующий вокализации. В 1960-х в США была предпринята волна попыток обучения жестовым языкам ближайших родственников человека. Один шимпанзе обучился производить и распознавать 125 знаков. Психологи из университета Невады научили шимпанзе по имени Ушо использовать 132 знака. Самка гориллы, названная Коко, по сообщениям, выучила более 400 знаков.

Это лишь косвенное, пусть и достаточно весомое, указание на то, что язык животное осваивает в процессе подражания, а не получает в готовом виде по наследству. Но есть и результаты экспериментов, напрямую подтверждающих, что так оно и есть. Например, вслед за повальным интересом к языку дельфинов, большой объем исследований звуковой коммуникации животных был выполнен после того, как Т. Струзейкер составил “словарь” естественных сигналов восточно-африканских верветок (зеленых мартышек), выделив 25 по-разному звучащих сигналов. В качестве одного из результатов выяснилось, что животные от рождения обладают некими акустическими “болванками”, которые потом совершенствуются в процессе подражания взрослым. Соответственно, разные популяции одного и того же вида могут разговаривать на достаточно далеких друг от друга диалектах своего языка.

Давным-давно известно, что у некоторых певчих птиц, точно так же, как и при овладении языком у людей, обучение песне своего вида возможно только в течение специфического чувствительного периода развития. Даже язык пчел, за расшифровку которого Карл фон Фриш получил Нобелевскую премию, и который долгое время считался врожденным, по-видимому, включает в себя разные “диалекты”, используемые различными географическими расами. Есть указания на то, что один и тот же элемент виляющего танца обозначает примерно 75 метров у немецкой пчелы, около 25 метров у итальянской - и всего 5 метров у пчелы из Египта.

Более того, кроме языка своего вида многие животные способны понимать и языки других видов. Так, в результате исследований взаимодействия птиц-носорогов и обезьян Дианы в Западной Африке, было установлено, что птицы могут отличать сигналы тревоги, подаваемые обезьянами своим сородичам при приближении хищников. О том, что некоторые млекопитающие воспринимают сигналы опасности, подаваемые другими млекопитающими, либо – птицами, учёным было известно уже давно, выяснилось, что и птицы могут понимать сообщения млекопитающих. А некоторые животные способны даже «разговаривать на иностранных языках». Таковы, например, уссурийские тигры, которые по утверждению В.К. Арсеньева во время свадебных поединков самцов-олений подражают их голосу, чтобы подозвать жертву поближе.

Я не стану утомлять вас, нагромождая другие примеры, доказывающие, что язык большинства животных не просто набор инстинктивных голосовых или поведенческих реакций на внешние факторы, а, как и язык человека, является культурным феноменом, т.е. передается через воспитание, а не наследуется. Надеюсь, что вы поверите мне на слово, что теория об уникальности языка человеческого уже практически сметена лавиной фактов. Все, чем человек отличается от животных – это набором врожденных акустических «болванок», количество которых вы легко оцените, пересчитав буквы в азбуке. И в этом отношении, мы не так уж и далеко ушли от тех же верветок.

2.3. Память

На принципиальное отличие механизмов памяти человека и животного, как на основной признак человека, неоднократно указывал Мамардашвили, как и на роль ритуала в формировании человеческой формы памяти. Я воспроизведу здесь его аргументацию в авторском исполнении.

«Вдумайтесь: вот если бы моя (или ваша) память о любимом брате или сестре зависела только от физической способности сохранять на определенном уровне саму эмоцию воспоминания, то ведь по законам природы она неизбежно должна распасться. Не говоря уже о том, что за определенный порог чувствительности я вообще не могу при этом выйти. И тем не менее я помню, могу сохранять привязанность. Значит, феномен памяти не держится на сохранении лишь физических ее следов. По законам энтропии они рассеиваются. Или должны быть как-то закодированы. У животного, например, закодированы в инстинкте, в природном механизме, который работает вместо индивидуальных решений. Животному в этом смысле не нужно ничего решать.»

В качестве комментария к этой цитате я замечу: с начала исследований поведения сильно неравновесных систем и формирования в них диссипативных структур, ставших одной из побудительных причин возникновения такой науки, как синергетика, на второе начало термодинамики не стоит ссылаться так безапелляционно. Но это вскользь, а по сути - несомненно, что большая прочность памяти является одним из существенных условий для формирования интеллектуального поведения.

Долговременная память различных животных исследовалась в экспериментах с так называемыми отсроченными реакциями. Животное помещалось на привязь, и на его глазах в ящик опускали приманку. Через некоторое время животное отпускали: если след в памяти сохранился, оно бежало к ящику, если нет, не следовало никаких действий. Лишь для иллюстрации качественных различий между видами животных я приведу такие результаты, почерпнутые из Интернета:

крыса – до 10 – 20 секунд,
собака – до 10 минут,
обезьяна – до 16 – 48 часов.

Хотите - верьте, хотите - нет, но задолго до того, как я узнал эти показатели животных, эксперимент с отсроченной реакцией я уже поставил на себе, в практически классической его форме. Каждый год, пока учился в школе, на летние каникулы я приезжал к бабушке, и много лет мы дружили с мальчишкой по имени Сашка, бабушка которого была соседка моей. Однажды, а мне тогда было лет 10, он поведал мне одно из детских поверий. (А детское сообщество хранит и воспроизводит достаточно развитую мифологическую систему, со своими заклинаниями, ритуалами и суевериями. Большинство взрослых просто забывают о ее существовании, заменяя детские мифы на взрослые.) А поверие было такое: там, где кошка закапывает свои экскременты, ровно через год вырастают кошачьи грибы. Я никогда раньше не слышал о существовании таких грибов, да и сам Сашка сознался, что в жизни их не видел. Однако, он упорно стоял на своем, и мы решили проверить этот факт.

Несколько дней мы следили за кошкой и, наконец, подобрали подходящее место, где будущие грибы случайно не затопчет кто-нибудь из домашних, и запомнили его приметы. Оставалось самое трудное – вспомнить об этом через год. Сашке в то время год представлялся чем-то бесконечно длинным, и я, будучи на два года его старше, вызвался выполнить эту задачу. И, как это ни странно, но я справился. Естественно, через год

Сашка напрочь забыл о нашей договоренности, но когда я ему о ней напомнил, он самостоятельно отыскал место по нашим приметам. Увы – кошачьих грибов там не оказалось... (Я до сих пор иногда думаю, что, может быть, мы все-таки перепутали место, и кошачьи грибы выросли где-нибудь неподалеку.)

Понятно, что явленный мною подвиг долговременной памяти возник не на пустом месте, подготовлен он был другим обычаем детской культуры. Вы и сами, наверняка, когда-то в детстве делали тайнички. Где-нибудь в укромном месте двора выкапывали в земле потайную пещерку и прятали в ней цветное стеклышко и фантик, или пуговицу, чтобы достать их через несколько дней. Точно так же, я думаю, и долговременная память животных поддается тренировке. Да и год десятилетнего ребенка, и двое суток обезьяны – разница лишь количественная. А если у вас есть домашние животные, то вы сами приведете мне сотни примеров отсроченных реакций, с глубиной памяти в дни и даже годы.

2.4. Приготовление пищи. Огонь

Использование огня резко выделяет человека среди других живых существ на Земле. Животные могут использовать тепло от медленного окисления, например, энергию, которую дают гниющие листья. Но достоверных фактов, указывающих на применение животными огня, на данный момент не установлено. Тем более фактов сознательного разведения ими огня.

Использование огня дало предкам человека новые орудия труда и охоты, позволило использовать жареную, а затем и вареную пищу, что привело к настоящей революции в их развитии, оздоровило условия пребывания в пещерных жилищах (дым отгонял комаров, гнус, мошку). Но были ли эти предки человека людьми, в полном смысле этого слова?

Многочисленные достоверные свидетельства сознательного использования гоминидами (так называют потенциальных предков человека) огня относятся примерно к эпохе 250-тысячелетней давности. Некоторые исследователи пещер Чжоукоудянь утверждают, что они нашли там следы древних очагов возрастом 300-500 тысяч лет. (Чжоукоудянь в северном Китае – место длительного, на протяжении сотен тысяч лет подряд, обитания предков человека.) В результате длительного и тщательнейшего изучения стоянки древних гоминидов Гешер Бнот-Яков в северном Израиле, было доказано, что ее обитатели сознательно использовали огонь. Возраст стоянки оценен в 780 тысяч лет. В 1988 г. в Сварткапской пещере (Южная Африка) обнаружено 270 костей антилопы, зебры, кабана, одного из видов гоминид. Их возраст - 1,0 - 1,8 миллионов лет. Находки костей в разных слоях указывают на многократное разведение огня обитателем этой стоянки - человеком умелым. Этот предок человека назван «умелым», так как он является древнейшим, из известных приматов, изготавливавшим каменные орудия труда.

В настоящее время по строению костей лицевой части черепа предков человека ученые пытаются реконструировать те звуки, которые позволяли воспроизводить их гортань, язык и мимическая мускулатура. Так вот, даже у неандертальца набор таких звуков не очень далеко ушел от возможностей современных обезьян, не говоря уже о человеке умелом. Да, человек умелый много чего умел, но только не разговаривать как человек. И если владение членораздельной речью считать основным признаком человека, то в человеке умелом мы имеем пример животного, изготавливающего орудия труда и разводящего огонь.

2.5. Плачевные итоги

Ну вот, кавалерийская попытка определить родовой признак человека, как и ожидалось, дала смутные результаты. Практически все признаки, которые принято считать чисто человеческими, в той или иной степени присущи и животным. В человеке они лишь собраны все вместе и в более развитой форме. Единственное, вроде бы, радикальное отличие предка человека от прочих приматов – это умение добывать огонь и готовить на нем пищу. Но берусь без труда предсказать: если объявить приготовление пищи на огне главным родовым признаком человека (а на страницах данного пособия это было бы более чем уместно), и это вызовет хоть какой-то интерес среди исследователей, то тут же будут обнаружены зачаточные навыки обращения с огнем у многих животных.

Трудности эволюционных теорий подводят к выводу о том, что для того, чтобы возник человек, через что-то, через какую-то яркую особенность в собственном поведении, в обезьяне должно было произойти чудо понимания. Она должна была осознать, что отличается от всех других животных, что она – человек. Только с этого момента и начинается история человека. С этого момента все те качества и особенности поведения, которые мы считаем человеческим, начинают группироваться и развиваться, причем не по отдельности, а поддерживая друг друга.

Что это была за яркая особенность – гадать бессмысленно. Чудо беспричинно, и выводить его логически из тех или иных внешних обстоятельств можно, только не понимая его природы. Поэтому, при построении теории возникновения человека выбор решающего фактора всегда будет лишь делом личных симпатий.

Мне, например, более по душе предположить, что обезьяна поняла, что она уже давно не обезьяна, когда занималась стряпней. (Может быть, поэтому так притягательно вид огня и действует на человека?) Если это так, то поняла она это не в словах, так как членораздельная речь на несколько сотен тысяч лет моложе кулинарного искусства. И тогда понимание, как таковое, не нуждается в словах для своей реализации и открыто для воспроизведения даже в отсутствие языковой формы общения. Наоборот, возможно, язык возник уже в человеческом обществе, и в качестве одного из главных стимулов его развития как раз и явилась необходимость передачи рецептов блюд.

Но то чудо, которым является человек, не происходит раз и навсегда. Оно должно воспроизводить себя и в каждом вновь рожденном человеке, и в человеческом сообществе в целом. Поэтому с возникновением человека возникают и чисто человеческие формы поведения, основное назначение которых – формировать и поддерживать человеческое в человеке. И уж если ответить на вопрос «что такое человек?» у нас не получилось, давайте попробуем проследить, каким образом новорожденный представитель вида гомо сапиенс становится человеком, и те приемы, которые помогают этому чуду произойти.

2.6. Онтогенез

Известно множество фактов, говорящих о том, что человеческие особи, воспитанные животными с младенчества до зрелого возраста, никогда уже не становятся людьми. В честь героя Киплинга это явление получило название синдрома Маугли. Эти особи ведут образ жизни, свойственный другим биологическим видам, например, волкам, медведям, свиньям и даже страусам. Даже длительное «перевоспитание» в среде людей не приводит к интеграции их в человеческий социум. Они продолжают ощущать себя представителями тех видов животных, которые их выкормили и воспитали.

В доказательство того, что это явление вовсе не экзотическое, я приведу выдержку из газетной публикации за 2007 год. «Одичавший ребенок, которого пытались очеловечить доктора, через день после доставки сбежал из больницы. Мальчик вел себя агрессивно, не понимал русскую речь, зато кусался как волчонок. По оценкам медиков парню уже 21 год, но он выглядит, словно 10 летний школьник. Сотрудники милиции, которые и привезли найденного в калужских лесах маленького человека, называли его просто Леха. Впервые на Леху обратили внимание жители деревеньки в Калужской области. Он прибегал в поисках пропитания вместе с волками. Мальчик передвигался на полусогнутых ногах и ел все без особого разбора. Когда сотрудники милиции прочесали окрестности, то отловили Леху в самодельном логове из листвы. Грязного, измученного и голодного его привезли в одну из столичных больниц. Когда московские медики увидели звероподобного парнишку, то испытали шок. У него был поразительный нюх и настоящие звериные когти.»

Точно так же известны случаи полного одичания людей, оказавшихся в условиях длительной изоляции от общества. Вот как описывает встречу с одним из таких диких людей в феврале 1709 года, глава английской экспедиции в составе фрегатов «Герцог» и «Герцогиня» капитан Вудс Роджерс. «На Мас-а-Тьерра отправилась команда за пресной водой. Вернулась она, привезя с собой человека, одетого в козлиные шкуры. Он выглядел более диким, чем рогатые первообладатели этого одеяния. По рассказам моряков, они с трудом поймали его. Он оказывал сопротивление, не хотел идти с ними, требовал, чтобы отпустили. Оказалось, что этот человек прожил на острове более четырех лет. Имя человека — Александр Селькирк.» Александр Селькирк впоследствии вспомнил человеческую речь и вполне восстановил свой человеческий облик. Именно его рассказы послужили для Даниэля Дефо толчком при написании книги о Робинзоне Крузо.

Это лишь иллюстрации, но иллюстрации призванные сделать наглядным не совсем очевидное правило: ребенок становится человеком, только когда он узнает от других людей о том, что он человек. И он остается человеком только до тех пор, пока сам об этом помнит. Человеческие особи, воспитанные животными, никогда уже не становятся людьми потому, что некому было вовремя объяснить им, что они люди. И живой прототип Робинзона Крузо за 4 года жизни на необитаемом острове превратился в представителя фауны просто потому, что он забыл о том, что является человеком.

Каким же образом люди умудряются сообщить ребенку, что он тоже является человеком? Причем сообщить об этом нужно в то время, когда членораздельной речью ребенок еще не владеет. Более того, чтобы овладеть членораздельной речью, ребенок должен прилагать сознательные усилия, зная уже, что он — человек. Единственная возможность — это вовлечение ребенка в некоторую совместную деятельность, причем в деятельность, принципиально отличающуюся от совместного поведения животных. Ту деятельность, на которую способен только человек.

2.7. Точка сборки

И что же это за деятельность, на которую способен только человек? Да, вобщем-то, любое действие, которое способно совершить и животное, может стать чисто человеческим. Для этого, кроме своего непосредственного биологического смысла (удовлетворение голода, продолжение рода, защита от холода), оно должно обрести внутренний магический смысл — главной его целью должно стать желание вызвать чудо. То есть, оно должно превратиться в магический ритуал. Вот как о роли ритуала в формировании человека говорит, например, Мамардашвили:

«Ритуалы всхлестывают нашу чувствительность, переводя ее в бытие культурной памяти, и благодаря этому живут человеческие чувства или то, что мы называем в человеке человеческим. Ибо сами по себе они не существуют, не делятся, их дление обусловлено наличием мифа, ритуала и пр. Человек есть искусственное существо, рождаемое не природой, а само-рождаемое через культурно изобретенные устройства, такие как ритуалы, мифы, магия и т.д., которые не есть представления о мире. Не являются теорией мира, а есть способ конструирования человека из природного, биологического материала.»

Интересно прочесть, как древнейшие из изученных ритуалов описывает в своей книге "Занимательная спелеология" известный советский геолог Виктор Николаевич Дублянский:

«В 1908 г. в с. Мезин Черниговской области было обнаружено поселение людей каменного века, построенное из бивней и крупных костей мамонта. В 1954-1961 гг. И. Г. Пидопличко и И. Г. Шовкопляс обнаружили в руинах одного из них раскрашенные кости мамонта. Сперва предполагалось, что это атрибут религии кроманьонца. Более детальные исследования привели к удивительному открытию: это набор ритмично-ударных инструментов. Бедро мамонта использовалось как ксилофон, череп - как барабан, бивни - как колотушки, мышелки - как кастаньеты.

Теперь стали понятны многие пещерные находки: раковины-свистки (Китай), флейты из трубчатых костей (Франция), "звучащие" бусы (Дам-Дам-Чешме, Узбекистан), барабаны, трещотки и трубы из рога (пещеры Европы). Возраст их различен - от 100 до 12 тысяч лет до н. э. Часты и изображения пляшущих фигурок на стенах пещер.»

Добавим к этому еще несколько заумных терминов и цифр:

«В 1983 г. французский спелеолог И. Резникофф предположил, что в пещерах Пиренеев (Портель, Фонтенель, Нио) палеолитические рисунки, возможно, имеют акустическое значение. В 90-е гг. эти исследования продолжил американский ученый С. Уаллер. Он исследовал акустику десятков пещер Европы, Северной Америки и Австралии. Оказалось, что первобытный человек, расписывая стены, выбирал такие места, которым свойственно необычное эхо; при этом происходит усиление звука с 3 децибел на участках без рисунков до 23- 31 децибелы в местах с рисунками (пещеры Ласко, Фонт-де Гом).»

и, сквозь сухую научную прозу, откроется нам фантастическая картина праздника.

Граффити на стенах, гром барабанов, треск кастаньет, трели флейт, пламя костра и запах жаркого – мы будем петь и плясать всю ночь потому, что мы – люди! Какое чудо, что мы люди!

Ритуал не обязательно праздник, ритуалы бывают и скорбными. Но что бы ни случилось, как бы ни было нам трудно и больно, мы всегда помним, что самое чудесное на свете – это то, что мы люди. И чтобы это чудо длилось, и в скорби и в радости – всегда – мы должны стараться в любом нашем действии не забывать о его магическом смысле. И приготовление пищи – неотъемлемая составляющая любого ритуала.

3. Принципы кухонного волшебства

Независимо от того, что вы готовите, до начала процесса приготовления пищи, и даже до того, как вы начнете учиться готовить, вы должны твердо усвоить несколько базовых принципов, без следования которым достижение достойного результата будет лишь делом случая, и выше добротной ремесленной поделки никогда вы не сможете подняться. Даже если вас такой уровень вполне устраивает, все же прислушайтесь к тому, что я хочу рассказать – хуже от этого точно не будет.

3.1. Главный принцип кулинарного искусства

Первый и главный принцип кулинарного искусства принесен им с родины. Кулинария, как и магия в целом, родилась в стране любви, любви взаимной, любви одновременно и спокойной, и восторженной, любви, заполняющей весь мир. Поэтому что-то действительно стоящее вы сможете приготовить только для человека, которого любите. И первое, что нужно сделать до начала стряпни, даже еще до выбора блюда, которое будете готовить, это представить себе человека которому будущее кушанье предназначается. Это должен быть человек, которого вы обожаете, и доставить ему радость является для вас главной наградой за любые труды. И в дальнейшем на всех стадиях процесса приготовления, вплоть до сервировки стола, образ этого человека должен постоянно быть с вами.

Спросите любого сколь-нибудь талантливового повара, и он вам подтвердит, что всегда, когда он готовит для души, а не на продажу, он точно знает того конкретного человека, которому это блюдо доставит наибольшее удовольствие, и думает именно о нем, независимо от того, кому блюдо действительно предназначено. И это либо кто-то из его близких (у поваров итальянских это почти всегда мама), либо достойный коллега по цеху, который может оценить совершенство технического исполнения.

(С тех пор, как мы встретились, каждую букву, каждую строчку, независимо от того, кто их будет читать, я пишу только для тебя, любимая моя!)

Почему это главный принцип кулинарного искусства? Все очень просто: любовь сама по себе является чудом, чудом не меньшим, чем человек. Иногда, вслед за Александром Блоком, я даже думаю что это просто синонимы. Любовь, как и любое чудо, не подвластна ничьей воле: не вы решаете полюбить кого-то, это чувство само выбирает вас. И вы не можете длить его или закончить по своему произволу. Вы можете только помочь ему, каждый раз заклиная об одном: не уходи! Но оно само будет решать, насколько вы искренни. И кулинарная магия одно из самых действенных средств, помогающих любви расцвести.

3.2. Родина чуда

«Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся. Подобно тому как формально отсутствует какое бы то ни было различие между игрой и священнодействием, то есть сакральное действие протекает в тех же формах, что и игра, так и освященное место формально неотличимо от игрового пространства. Арена, игровой стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они, по форме и функции, суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила.»

В этом перечне игровых пространств, приведенном Йоханом Хейзингой в книге «Человек играющий», явно не хватает таких площадок как кухня и столовая. Удивительно, как из поля зрения Хейзинги, умудрившегося под понятие игры подвести практически все явления современной культуры, выпала самая древняя игра, в которую играют люди. Наверное, отчетливое, лежащее на поверхности биологическое предназначение затеняет игровой и ритуальный характер приготовления и приема пищи у людей. И все же это одно из древнейших магических действий, выработанных людьми и помогающих состояться чуду превращения стада животных в семью.

Превращение нескольких совместно проживающих людей в семью – это чудо, равновеликое чуду любви. И не только людей. Семья сельская – это дом и сарай, это верный пес, охраняющий двор, это яблоня и вишня, и куст малины, это несколько грядок, дарующих свежие овощи, это многообразные пернатые и четвероногие, это и несколько поколений людей, объединенных общей судьбой. Семья городская сильно поредела по численности, но все равно она осталась сообществом достаточно многочисленным. Она может включать в себя, например, кактус Декабрист или цветок по имени Желанный, философа-кота или разгильдяя барбоса, синицу, прилетающую на кормушку за окном, рыбок в аквариуме и даже паучка под потолком.

Именно в семье происходит и чудо превращения ребенка в человека. И это одно из тех чудес, которые сообщают высшую ценность и самому существованию семьи. Совершенно не случайно, что один из важнейших этапов в жизни ребенка – это переход с грудного вскармливания на пищу, специально приготовленную ему взрослыми. Через специфическое удовлетворение основной биологической потребности он приобщается к поведению чисто человеческому – он начинает принимать пищу, которую едят люди, и делает это, используя те приспособления, которые используют люди.

Кухня – эта та площадка, где мы играем в семью, это та площадка, где семья играет в людей. И слово «играем» вовсе не содержит элемента несерьезности. Это единственная игра у людей, которая ежедневно повторяется из поколения в поколение, а ее правила сообщают определенность таким понятиям, как народные традиции, национальная кухня, самому понятию «народ». Это очень серьезная игра – это настоящее волшебство и священнодействие, но именно игровой характер процесса столь привлекателен для ребенка, поэтому так трудно удержаться и не заглянуть на кухню, когда там что-то готовится. И пусть ребенок может в чем-то помешать, лучше потерять несколько минут, чем сформировать у него интуитивное представление, что кухня во время готовки является для него запретной территорией. Давайте ему поиграть с продуктами, даже если он может их испортить, с самого раннего возраста привлекайте к приготовлению блюд, которое требует участия нескольких человек. Почему в Сибири такие дружные семьи, как вы думаете? А я думаю – это потому, что там любят и часто готовят пельмени.

Среди нескольких людей всегда найдется тот, чьи магические способности выражены в более полной мере. Именно он становится главным организатором всех совместных мероприятий, он покупает подарки к праздникам, ему же, как правило, выпадает и большая часть нагрузки по приготовлению еды. К нему я сейчас и обращаюсь в первую очередь. Всегда нужно помнить, что готовить еду – это не обязанность, а право, которое вам делегировали в качестве признания таланта. И второе, почаще перечитывайте то место у Марка Твена, где Том Сойер красит забор.

У каждого члена семьи должно быть свое собственное фирменное блюдо. И слово «должно» в этой фразе вовсе не имеет значения внешней обязанности. Так сложится само собой, просто нужно знать, что это правильно, и иногда этому правильному вовремя

помочь. Всем известно, кто лучше всех испечет эклеры ко дню рождения, а кому без боязни можно доверить стейк. Но у каждого есть свои неотложные дела, все вечно заняты, и чтобы получить что-то вкусненькое, конечно, нужно хорошо попросить: «Ну, пожалуйста, ну так хочется! А так как у тебя ни у кого не получится!»

Например, в нашей семье, когда родители поздно приходили с работы, и сил на стряпню у них уже не было, готовить ужин выпадало мне. Но вовсе не потому, что больше некому, просто все знали, что лучше меня омлет никому все равно не пожарить. И это было действительно так, и это было предметом гордости и держало в тонусе.

Храните семейные рецепты столь же бережно, как и семейные реликвии. Передавайте их по наследству.

3.3. Шагадам, магадам, выкадам

В процессе приготовления пищи, как и в любом человеческом деле, огромную роль играют разнообразные заклинания. Я не буду приводить здесь довольно запутанную современную классификацию заклинаний, а ограничусь лишь несколькими всем известными примерами. Зловещие вопли Хлебниковских ведьм и прочие «абра-кадабры» лишь одна из древнейших, но вовсе не основная форма заклинания. Если учесть, что сама членораздельная речь, по-видимому, возникла на основе длительной практики произнесения заклинаний при приготовлении пищи и колдовстве, то большинство произносимых нами сегодня слов – это осколки каких-то древних заклинаний, используемые не по прямому назначению.

Множество присказок и поговорок, таких как, например, «ни пуха, ни пера», «бог в помощь», «бабушка надвое сказала» и т.п. напрямую восходят к магическим процедурам. Большая часть остальных – это заклинания бытового характера: некоторые устойчивые словосочетания, смысл которых не обязательно понятен произносящему их, и не обязательно имеет прямое отношение к ситуации, в которой эти слова произносятся. Основное назначение заклинания – его произнесение выводит ситуацию из чисто природной и помещает ее в контекст некоторой культуры. Произнося заклинание, в первую очередь мы утверждаем: «я помню, что я – человек, и я всегда поступаю так, как поступают люди».

Любой человек использует в своей жизни массу заклинаний, которые помогают ему в той или иной ситуации. Более того, любой человек сам придумывает себе заклинания, пусть и не осознавая, что это такое. Это могут быть какие-нибудь прибаутки, цитаты из любимых стихов, или просто забавные восклицания. Иногда они даже превращаются в слова-паразиты, но все же, как правило, сообщают речи ее неповторимое своеобразие.

Сейчас я на ваших глазах создам новое заклинание и использую для этого книгу, лежащую у меня на столе. Я открою ее на первой попавшейся странице, выпишу из нее несколько понравившихся строк, одна из которых и станет заклинанием. Сейчас мне очень трудно, и я знаю, что хорошее заклинание мне очень скоро понадобится, и вы поймете для чего, если дочитаете эти записки до конца. И рассказываю я вам об этом вовсе не из позерства – мне просто необходима дружеская поддержка.

Все что мне нужно от вас – это чтобы вы поверили, что я отношусь к тому, что собираюсь сделать, предельно серьезно. Вы должны верить, что в данный момент я и сам не знаю результата, но, может быть, это событие определит мою будущую жизнь на много лет вперед. Я не знаю, как убедить вас в своей искренности, я просто попробую детально

описать комнату, в которой я сейчас нахожусь. А мне это описание поможет собраться, а «собраться» означает «собрать себя».

Комната похожа на пенал, одна сторона ее метров шесть, а вторая, упирающаяся в окно, - примерно два с половиной. У одной длинной стены стоит старый диван, у другой – гладильная доска, а под окном - стол, за которым я сейчас и сижу. Диван накрыт вышитым ковриком, на котором две девушки кормят зайца листьями капусты из корзинки, рядом стоит олененок, а чуть вдали за холмом – маленький домик на полянке. Этот коврик я помню по первой фотографии моей старшей сестры, сделанной, когда я еще не родился. Над диваном висит репродукция картины Васнецова «Аленушка», которую нам подарили на новоселье, когда мы переехали в Лиски.

Стены комнаты оклеены золотисто-розовыми обоями, повторяющийся рисунок на которых – букет тюльпанов из трех бутонов. Если, сидя на диване, без очков смотреть на стену напротив, то контуры рисунка расплываются и букет становится похожим на потешную мордочку львенка, который широко раскрыл глаза и наклонил голову набок. На этой стене висят часы, остановившиеся полтора года назад, и я, как не бился, так и не смог больше их запустить. Под часами групповая фотография выпускников куйбышевского техникума 1953 года.

Сорок лет назад в этой самой комнате умер мой дед, а полтора года назад – отец. Я держал руку на его запястье, когда сердце остановилось.

В углу у окна стоит давным-давно сломавшаяся стиральная машинка, сейчас превращенная в тумбочку. Она накрыта белым полотенцем с неумелой вышивкой венгерским крестом. Стоит она на том самом месте, где когда-то стояла моя детская кровать. За окном вид на пустырь с трансформаторной будкой. Пройдя мимо нее, мимо районной автобазы, бывшего завода монтажных заготовок и автошколы, за площадью Ленина на пересечении улиц Мира и Ломоносова вы найдете школу, в которой я учился.

В руке у меня сочинения А.В.Кольцова. Эту книгу я купил на рынке, когда ходил за продуктами. Сизоносый пенсионер уступил мне ее по цене килограмма помидоров. Кольцовский парк в Воронеже находится недалеко от паспортного стола, и мрачный, как ворон, колючий, как еж, грязными, хлюпающими переулками встречал меня в декабре город Кольцова, когда, бежав от войны, бил челом я родной земле, моля о помощи... Горький привкус дыма и неудач не дал мне разминуться с этой книгой, и сейчас я открою ее в первый раз.

Пожалуйста, хотя бы на минуту отведите глаза от страницы. Давайте помолчим вместе. Сейчас мне не нужно ваше внимание – мне нужно ваше тепло.

И, вот они, эти строки:

«О, пой, косарь! Зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!»

Боже мой, как я устал!..

3.4. Пример действенности заклинания, хорошо известный мужчинам

Женщины, как существа более чувствительные к волшебству, как правило, чисто интуитивно уверены, что без подходящего заклинания в некоторых случаях просто не обойтись. Чтобы убедить в этом и мужскую часть моей аудитории, практическую действенность заклинания я покажу на хорошо известном ей примере.

Когда вы стреляете короткими очередями из автомата Калашникова, в соответствии с тактикой ведения боевых действий, принятой в российской армии, вам необходимо последовательно осуществлять следующие операции. Выбрать цель, навести оружие, произвести ровно три выстрела, после этого переходить к следующей цели. Но каким образом произвести ровно три выстрела, если автомат при этом переключен на режим автоматической стрельбы?

Ответ на этот вопрос, вопрос, способный привести в недоумение даже продвинутую домохозяйку, любой мальчишка знает из объяснений военрука. Вы должны нажать на спусковой крючок, после этого про себя произнести «двадцать один» и спусковой крючок отпустить. Автомат сделает ровно три выстрела. Но любой ли мальчишка, даже став зрелым мужем, задумывался над тем, а что же за загадочные «двадцать один» он произносит при стрельбе из автомата?

Совершенно понятно, что само по себе число 21 никакого отношения ни к автомату, ни к количеству выстрелов из него не имеет. Эти «двадцать один», вообще говоря, вовсе не обязательны, и вместо них можно использовать любое другое сочетание слов, произнесение которых требует точно такого же времени. (Только, если вы находитесь на срочной службе, то, пожалуйста, не пробуйте заикнуться об этом вашему непосредственному начальнику.)

Так вот, эти «двадцать один» и есть классический пример магического заклинания. Содержание произносимых слов в нем не имеет никакого отношения к управляемому процессу и является лишь делом традиции, поддерживаемой в данной социальной группе. И вовсе не произносимые слова управляют процессом. Однако без произнесения заклинания правильное осуществление процесса нельзя гарантировать.

Вот так, даже через стихию заклинанийтворчества в ратном деле, можно высветить суть деятельности волшебника: вовсе не заклинание производит выстрел, выстрел происходит по совершенно другим причинам, заклинание лишь придает этому выстрелу форму, в которой его желает увидеть маг, в данном случае рядовой Петров - герой уставов.

Туфта твоя магия, если в ней все заклинания такие! – ободрит меня читатель неглубокий. Я добрый волшебник, поэтому в доказательство обратного я не стану никого превращать в лягушку.

3.5. Музыка

В качестве длительно творимого заклинания может выступить музыка. Песня, как и танец, родилась лишь как элемент магического ритуала. Вековая устойчивость ее текста и мелодии обеспечивает уникальность ее использования в качестве заклинания. Пойте, когда готовите, включайте радио или проигрыватель. Это может быть Чайковский, это может быть Пугачева, как говорится, о вкусах не судят. Но попробуйте одно и то же блюдо приготовить несколько раз под разную музыку, и вы заметите разницу во вкусе.

Кроме поддержания эмоционального состояния, музыка позволяет на почти интуитивном уровне выдерживать хронометраж отдельных стадий процесса. Многие хозяйки имеют на кухне секундомер, который выдает сигнал по истечении заданного промежутка времени. Я использую такой технократический инвентарь в очень ограниченном количестве случаев, поверьте мне, что его монотонное тиканье в течении трех минут заведомо не лучше для контроля времени, чем два куплета «калинки».

3.6. Как научиться готовить

Я надеюсь, что к тому времени, когда вы научились читать, вы уже имели минимальный навык обращения с продуктами на кухне. Это значит, что для вас настало время открыть для себя кулинарную литературу. И открыть литературу это вовсе не значит взять первую попавшуюся книжку или журнал и выписать рецепт. Как и в случае с любой литературой это означает, что сначала нужно встретиться с той единственной книгой, которая написана именно для вас. С книгой, которая восхитит и изумит, которую вы будете читать запоем, не жалея оторвать на нее несколько часов от сна. И горько переживать тот момент, когда дочитали до последней точки.

Для меня, одной из книг, благодаря которым я понял, что в книге то, о чем она написана, может быть менее важно, чем то, как она написана, стала «Булочки, пироги, пирожные» Иды Сави. Не то чтобы это был действительно шедевр, хотя эта книга в начале восьмидесятых стала настоящим советским бестселлером. Многого я почерпнул из нее в смысле чисто практического применения, хотя некоторые рецепты просто принял к сведению, а сам продолжаю готовить так, как меня научили в детстве.

Но главное, что я понял, прочитав эту книгу, это то, что она – о любви. Ведь эмоционально совершенно неважно конкретное наполнение текста, будь это теория ускорителей заряженных частиц или сборник рецептов, главное то, что высвечивается этим текстом. Какие-то тонкие особенности человеческой психики, которые раньше ускользали от внимания. (С удивлением я узнал из Интернета, что книга Иды Сави достаточно популярна до сих пор, несмотря на свой более чем двадцатилетний возраст).

Примерно в то же время я познакомился и с Похлёбкиным. Он вел кулинарный раздел в журнале «Работница», и это странное имя «Вильям-Август Васильевич Похлёбкин» я принял за неудачный и напыщенный псевдоним. (Мог ли предположить его отец – революционер, превращая свою подпольную кличку в фамилию сына, что эта фамилия, впоследствии станет для сына синонимом судьбы? Вот и не верь после этого в силу заклинаний!) Лишь намного позже я идентифицировал его в качестве автора книги о чае. Не знаю, была ли книга о чае действительно запрещенной, но, несмотря на свою нарочитую аполитичность, в середине семидесятых она, наряду со «Сказкой о тройке» Стругацких и «Собачьим сердцем» Булгакова, ходила по рукам в машинописных копиях.

Массу продуктов я научился готовить, следуя рекомендациям Похлёбкина. Но не в этом основной результат нашего общения. Подспудно, вроде бы и не преднамеренно вовсе, но постепенно он изменил мое отношение к самому процессу приготовления пищи. Именно он впервые идею о связи национальной кухни с конкретными обстоятельствами истории того или иного народа вывел на уровень глубоко проработанной теории. Тем самым, его можно считать одним из основателей кулинарной магии, как науки. Его же усилиями она превратилась в добротную техническую дисциплину.

Сейчас все книги Похлёбкина (а их более пятидесяти) доступны в Интернете. Не полнитесь, попробуйте почитать любую из них, возможно, вам понравится. Но будьте

осторожны – это один из тех людей, которые, совершенно незаметно, могут перевернуть ваше мировоззрение, а вместе с ним и всю жизнь. Не удивляйтесь, если вдруг за авторством Похлёбкина вам попадетя книга, весьма далекая от кулинарии, не удивляйтесь и прочитайте: все что он писал, он писал интересно.

(И пусть он, сам великий волшебник от природы, резко отрицательно относился даже к упоминанию о чудесах, кое-что вы найдете у него и о магии. В качестве примера я приведу две цитаты из его книги «Великий псевдоним»:

«...Сталин придавал значение мистике цифр, видел в их сочетаниях скрытый смысл, и старался не поступать так, чтобы рассчитанный им порядок в числовой символике нарушался, т.е. в какой-то степени верил в предопределение...»

«Именно в этой приверженности элементам мистики, пусть и не очень серьезно, но зато скрупулезно, в этом явном идейном отступлении от марксизма, проявляющемся в вере в некую предопределенность судьбы, и заключалась основная политическая ошибка Сталина в последний период его жизни.»

И даже обстоятельства трагической гибели Похлёбкина оставляют привкус какой-то мрачной и недоброй мистики...)

«Сколько книжек не читай, императором не станешь,» - находим мы в сборнике цитат Мао Цзэдуна. Это высказывание великого кормчего можно смело отнести и к кулинарному искусству. Книжки помогут вам, только если вы сами уже что-то умеете. Как же быть тогда с теми продуктами и блюдами, которые вам никогда не доводилось готовить раньше? Выход прост – нужно идти в ученики.

Бытует странное заблуждение, будто колдуны – страшно скрытные люди и никому на свете не выдадут своих секретов даже под пытками. Это вздор! Любой маг, любой чародей – по самой сути своей являются миссионерами. И чуть ли не главная задача их жизни это передать другим накопленные знания и умения. Все зависит только от того, как спрашивать. Конечно, под пытками вам никто и ничего не откроет. Если вы восхищены искусством мага – просите и вас научить сделать такое же чудо. И если восхищение ваше действительно искренне и бескорыстно, ни один маг вам не откажет.

А, вернувшись к кулинарии: если вам когда-нибудь в гостях действительно очень понравится какое-нибудь из блюд, приготовленных хозяйкой, не скрывайте своего удовольствия. Чмокайте губами и закатывайте глаза. Не скупитесь на восклицания типа: «это просто чудесно!» Обязательно перепишите рецепт. И попросите, чтобы она, когда будет готовить такое в следующий раз, обязательно позвала вас – посмотреть и поучаствовать. Поверьте мне, в подавляющем большинстве случаев отказа не последует.

4. Воплощение магии

4.1. Рецепт не догма

Как говаривал знаменитый древнегреческий кулинар Гераклит: невозможно дважды сварить один и тот же борщ. Рецепт борща, это почти такой же нонсенс, как и рецепт пиццы. Пицца готовится из всего, что в данный момент оказалось под руками. Из обязательных составляющих можно назвать только сыр, но если, вдруг, сыра не оказалось в наличии – отличная пицца получится и без него. И, подобно тому, как взбалмошная душа итальянца отразилась в пицце, так широкая душа славянская нашла свое отражение в борще. Думаю, что не случайно у наших предков борщ являлся одним из ритуальных блюд, посвящаемых Роду – верховному богу в славянской мифологии.

В моем понимании в борще есть только два обязательных компонента: красная свекла и полная свобода. Наличие свеклы отличает борщ от прочих овощных супов, а то, что свекла в нем либо вываривается, либо хорошо обжаривается, отличает его от свекольников. Все остальные компоненты вы выбираете, следуя сиюминутному настроению. (По секрету я вам открою страшную тайну рецепта борща: даже если у вас не оказалось свеклы, смело беритесь варить борщ – я уверен, у вас получится.)

Так, если борщ белорусский варится без капусты, то во всех прочих вы можете или дополнить капусту сладким болгарским перцем, или заменить ее щавелем или молодыми листьями крапивы. (В скобках замечу, что щавелевый и крапивный борщи, обычно, варятся без помидоров, что естественно выполнить благодаря разному сроку их созревания.) Вполне нормально сварить борщ без картошки, что и отличает наиболее древние рецепты. В борщ украинский или кубанский принято вбивать куриное яйцо, в борще русском вы вполне обойдетесь и без этого. В России довольно редко меня угощали борщом с фасолью, а на Украине это в порядке вещей. Примерно такое же отношение я наблюдал и к чесноку. Считается, что лучший борщ получается на костном отваре, но и на мясном бульоне он получится не хуже. Отличный борщ можно приготовить из утки, стоит иногда попробовать сварить и постный борщ с килькой.

Борщ – блюдо преимущественно летнее (точно так же, как рассольники и щи из квашеной капусты – это приметы зимы), поэтому он предполагает максимальное использование зелени. Кроме привычных укропа и петрушки можно попробовать добавить киндзы (зелень кориандра), как это обычно делают на Кубани. Но если вы мало знакомы с этой травой, то лучше сначала поэкспериментировать на менее ответственных блюдах – она обладает достаточно агрессивным, специфическим запахом. Зелень сельдерея, как, собственно и корень, сообщает блюду большую строгость, но многие не любят ее из-за характерной горчинки. Даже если вы никогда его раньше не пробовали, не бойтесь базилика, он смягчает вкус, а запах его вполне укладывается в палитру трав средней полосы. Обязательно несколько зеленых листьев лаврушки (если она не растет у вас на участке, то можно использовать сушеную). Их нужно положить в кастрюлю минут за пять до готовности, а потом вынуть. Если их оставить в бульоне, то, постояв, они сыграют горечью. Траву можно покрошить в борщ, при этом нужно, чтобы она покипела 1 – 2 минуты (если меньше – борщ может прокиснуть, если больше – потеряется весь запах), а можно в отдельной посуде поставить на стол и добавлять уже в тарелку.

В отличие от прочих овощных супов, борщ обладает одной чудесной особенностью. Варить борщ на один раз, это все равно, что пить только первую заварку у хорошего китайского чая. После того, как вы откушали свежеприготовленный борщ, оставшейся порции нужно дать остыть, после чего отнести в погреб (если вы человек небогатый, и

погреба у вас нет, то можно в качестве заменителя использовать холодильник). На следующий день борщ только подогревается, но ни в коем случае не кипятится. Если в свежем борще вы еще без труда определите, что в его вкусе пришло от помидоров, что от капусты, что от свеклы, что от зелени, то в борще постоявшем каждый овощ отдаст соки бульону и пропитается соками других овощей, все вместе они притрутся друг к другу, и вместо отдельных партий вы услышите скрытую в них ранее гармонию вкуса. Борщ свежий – это лишь генеральная репетиция, не пропустите же премьеру!

4.2. Варю борщ для мамы

Мама восстанавливается после тяжелой операции. Три месяца за ней ухаживала моя сестра, потом полтора месяца отпуска провел с ней я. Сейчас она уже почти свободно может передвигаться по квартире, сама готовит и стирает, полностью обслуживает себя. По два раза в день мы выходим с ней гулять, и она самостоятельно спускается со второго этажа и несколько раз может пройти вдоль дома и обратно. Завтра я уезжаю, и мама попросила сварить ей борща, чтобы осталось на пару дней. Загодя я купил кусочек говяжьего ребра с прослойкой мяса, под размер кастрюльки, которую я наметил для этого мероприятия.

С утра я зарядил варить бульон. Если вы хотите получить кусочек отварного мяса или птицы на второе, то варить их нужно, опустив уже в кипящую воду. Меня интересует наварной бульон, поэтому я помыл ребро, положил в кастрюлю, залил холодной водой и поставил на огонь. Пока вода закипает, я снимаю время от времени накипь, осматриваю и готовлю необходимый инвентарь.

Убрал все лишнее со стола и тщательно его протер. Отыскал подходящую по размеру сковородку и вымыл ее. Подобрал удобный нож и подточил его. Нашел терку, доску для резки овощей, подготовил несколько тарелок и мисочек. К этому моменту вода закипела. Газ я установил на самый медленный огонь, только чтобы кипение не прекращалось. В таком режиме косточке нужно вывариваться часа полтора – два. Самое время отправиться на рынок, что я и делаю, взяв с собой корзинку, чтобы на обратной дороге овощи не помялись в пакете.

4.3. Поход на рынок

Вобщем-то, план закупки продуктов у меня сложился еще вчера, но в случае с борщом всегда есть место для импровизации. Кроме того, нужно еще позаботиться о сервировке стола, о каких-нибудь красивых фруктах, и, чего скрывать? – кто, отправляясь на рынок, может точно предсказать, с чем именно ему суждено вернуться? Конечно, для уверенности в качестве продукта, лучше использовать для готовки овощи со своего участка, где выращенные тобою растения одаривают своими плодами в благодарность за заботу, где не нужно искать спелый и качественный продукт – ты и так наизусть знаешь, где и что должно поспеть сегодня утром. Но поход на рынок, в компенсацию, всегда содержит в себе элемент доброй авантюры.

Если вы хотите научиться хорошо готовить, ни в коем случае и никогда не ходите за покупками с готовым списком в кармане. Прежде чем научиться готовить, нужно научиться ходить за покупками. Нужно научиться получать от этого процесса не меньшее, а может быть даже и большее удовольствие, чем от процесса приготовления. Это тот момент в жизни кулинара, когда его еще не вполне оформившиеся мечты о чуде обретают материал для своего воплощения. Где одна покупка ведет за собой другую, и этот путь уводит вас шаг за шагом в страну неожиданного.

Не покупайте торопливо, не жалейте времени на то, чтобы посмотреть по сторонам, поговорить с продавцами, если есть настроение, то и поторговаться. Пробуйте продукты руками, нюхайте их, если предлагают попробовать – не манкируйте такой возможностью. Это должен быть праздник! С каким наслаждением я хаживал на Бессарабский рынок выбирать сало, когда жил в Киеве! Денег на покупку в то время у меня не было, но уходил я с рынка всегда сытый и веселый.

Главный критерий выбора хорошего продукта: вы должны понравиться друг другу. А что обычно вызывает взаимную симпатию? – здоровье, красота и хорошее настроение. Овощи должны быть красивыми, но не той лакированной красотой, отличающей продукцию массового производства, а красотой, содержащей в себе какую-нибудь подчеркивающую ее малую червоточинку. Да и я ведь еще тот красавец – главное, чтобы человек был хороший.

4.4. Первая стадия ритуала

И вот я дома с добычей. Косточке осталось кипеть еще с полчаса, самое время начать ритуал. Надеваю мамин передник, который по-прежнему висит на гвоздике с обратной стороны двери на кухню. Свою добычу я извлекаю из корзинки и раскладываю на столе. Это три клубня молодой картошки со светлой кожурой, небольшой кочан капусты, два спелых помидора, маленькая – с пол моего кулака - свекла, сочная розовая морковка (кто-то уже успел отгрызть у нее кончик), пара луковиц, канареечного цвета болгарский перчик, пучок укропа и пучок базилика. Одну из луковиц, прямо в кожуре, я опускаю в кастрюлю с бульоном.

Обрезаю у укропа жесткие стебли, а зелень мою в холодной воде и раскладываю на блюдечке. Пару десятков самых молодых листиков базилика обрываю со стеблей, смачиваю и укладываю к укропу. Перец разрезаю вдоль пополам, удаляю хвостик и семечки изнутри, мою и отправляю его к укропу и базилику – пусть они подышат.

Свеклу и морковку мою, с морковки обскубаю нежную шкурку, свеклу чищу и, чтобы не испачкать стол укладываю их на отдельное блюдечко. Прикинув по объему кастрюли, отрезаю от кочана капусты примерно треть – остальная часть пойдет на салаты, и я убираю ее на подоконник. Оставшуюся луковицу освобождаю от кожуры. Каждый помидор разрезаю пополам, вырезаю темные участки кожицы.

И вот они – все участники предстоящего волшебства – подготовлены, умыты и расставлены по местам. Это тот момент, когда можно остановиться, осмотреть всех не спеша и насладиться открывшимся зрелищем. Насладиться цветом и формой, насладится запахами. Поговорить с каждым по-отдельности и со всеми вместе. Еще раз на общем совете обсудить план действий. И просто улыбнуться.

Ну не чудо ли это?! Тот редкий момент в жизни, когда времени нет, и Вечность, стоящая рядом, тоже улыбается.

4.5. Песенка про Красную шапочку

Но, пора... Чищу картошку, режу ее на кубики с ребром чуть меньше сантиметра. Извлекаю из кастрюли выварившуюся луковицу. Косточку выкладываю на широкое блюдо. Бульон пробую и солю, но не сильно, после чего загружаю в него картофель.

С момента, когда картошка опущена в бульон, начинается динамичная часть процесса, и в это время просто необходима ритмозадающая музыка. У меня нет на кухне радио или магнитофона, а хуже голоса у меня, разве что, слух. Поэтому я буду петь про себя. Какая песенка поможет мне сегодня? Читатель внимательный решит, что, конечно, это будет «Я на солнышке лежу и на солнышко гляжу», но в этот раз он ошибется. Чудо это та радость, которая не состоится без капельки грусти, поэтому сегодня я позову на помощь Антипа.

Да, да, – того самого Антипа, который когда-то принес в первый корпус общежития свежее испеченную рок-оперу «МИФИст-суперзвезда». Вы помните центральную арию:

«Здорово, друг старый, иди лучше к нам,
Бросай аналитику, к черту матан,
Пойдем мы с тобою, дружище в пивбар,
И пивом затушим науки пожар!»?

Лохматый и мордатый, с неразлучной гитарой, за привычку выражаться возвышенно, его прозвали «Возантип». Искусство говорить возвышенно заключалось в прибавлении ко всем словам приставки «воз». «Возъя возпришел воз к вам!» - влямывался он в 52-ю комнату, на что нужно было отвечать: «Возпривет, Возантип!» Год назад сердце позвало его, и он навсегда ушел в небеса. Сейчас я попробую вспомнить одну из его ударных вещей – песенку про Красную шапочку. Она достаточно длинная, что мне и нужно. Кроме того, она сколь бедовая, столь же и неприличная, и поэтому вполне укладывается в мои представления о борще. (И еще, я открою вам страшный секрет, секрет, может быть даже и от самого себя, - Красная шапочка в этой песенке имеет имя, и имя это «Маша», а мне хочется сегодня, чтобы и Машенька посмотрела на мои упражнения в колдовстве.)

Итак: О, пой, косарь! Зови певицу!

По телефону бабушка внучке позвонила:
Машка, приходи ко мне – я бражки наварила!
- Приду, а как же не придти, приду, ядрена муха,
Ведь ты же бабка у меня – законная старуха!
Шапку красную надела и пошла по лесу...

4.6. Методика

Дальнейший процесс проистекает как нечто цельное, где одно действие, только успев завершиться, тут же перетекает в следующее. Именно для того, чтобы этому помочь, я и раскладывал так тщательно овощи на столе, строил их в правильном порядке, обсуждал с ними последовательность наших действий. Сейчас каждый знает свой маневр и тот момент, когда именно ему вести главную роль. За редким исключением, овощи нужно запускать в готовку, как только они порезаны, ничего не нужно резать заранее, чтобы выделяющийся сок как можно меньше находился в контакте с воздухом. Только тогда они сохранят свежесть и все лучшее передадут блюду.

Многие процедуры в моем исполнении не будут соответствовать рекомендуемым в кулинарных книгах нормам. Но буквальное исполнение технологии не является моей целью – я трезво оцениваю свои силы (а я не готовил борщ уже лет десять), поэтому буду делать только то, в успехе чего я сегодня уверен. Не стреляйте в пианиста («двадцать один») – он готовит, как умеет, а если что-то в моем исполнении покажется сомнительным – изучите технологию по книжкам, и наблюдайте за работой более опытного повара. Последовательность некоторых процедур можно поменять – это

приведет к большей или меньшей готовности разных компонентов и, в конечном итоге, скажется на вкусе блюда – я же ориентируюсь на вкусы своей мамы.

На всех стадиях приготовления блюда не бойтесь пробовать его составляющие, обязательно нюхайте. Это особенно важно, если вы только начинаете учиться готовить. Не зависимо от степени готовности, запах всегда должен быть приятным. Если вы встретились с запахом вам незнакомым, постарайтесь его запомнить, и, если он вызвал у вас симпатию, скажите себе: «Это хорошо!»

Знание технических приемов при работе с тем или иным продуктом – вещь необходимая, но оно ничто без развитой интуиции. Не транжирьте же те счастливые возможности поработать на кухне, которые вам дарит судьба. В наше занятое время трудно каждое приготовление пищи превратить в полноценное волшебство. Не все элементы ритуала действительно необходимы, и без ущерба качеству блюда чуть ли не все они могут быть пропущены. Ритуал помогает поддерживать в вас то радостное настроение, без которого невозможно почувствовать душу продуктов. Только когда ты сам максимально открыт, что-то или кто-то может открыться навстречу тебе.

4.7. Динамика

Сначала я шинкую капусту, и по завершению процесса загружаю ее в уже закипающий бульон с картошкой. После этого мелко режу лук. Сковородку я ставлю на медленный огонь (а с сильным огнем лучше упражняться, когда имеешь достаточно устойчивый навык), наливаю подсолнечного масла, так чтобы все доньшко было прикрыто примерно на миллиметр, и запускаю лук жариться.

Косточка уже успела несколько остыть, я отделяю от нее мясо, освобождаю его от пленок и жилок, мелко режу и отправляю к картошке и капусте. Лук за это время немного позолотел, и прямо в сковороду я тру морковку на крупной терке. Чтобы не забрызгать все вокруг соком, свеклу я тру на той же терке, но в отдельную глубокую мисочку (не забывая помешивать морковку с луком). Пока я это делаю – морковка тоже успевает немного обжариться, и я запускаю в зажарку и свеклу. Теперь время болгарского перца – я режу его маленькими квадратиками, и, закончив, отправляю в уже активно кипящий борщ. После этого я прямо в сковородку тру помидоры, а шкурки от них жадно поедаю. Перемешиваю зажарку на сковороде и накрываю крышкой.

На доске крошу укроп и базилик. После этого бросаю в борщ листья лаврушки, перекладываю в кастрюлю зажарку из сковороды, и, как только борщ снова закипел, туда же отправляется и зелень. Кастрюлю накрываю крышкой, и через полторы минуты выключаю газ. Вылавливаю из борща лаврушку, все перемешиваю, пробую, досаливаю, вновь накрываю крышкой.

Да, несмотря на тщательную рекогносцировку, на этот раз процесс занял у меня 25 минут – на пять минут больше, чем планировалось. Картошка, наверное, уже начала развариваться, но, в принципе, это не противоречит моим намерениям. Как раз к этому моменту Машенька уже успела посрамить незадачливого волка, и с последним аккордом:

Снова песенка несется, снова песенка звенит:

«Я иду по Уругваю, ветер юбку шевелит!»

Я думаю, именно так – в старом мамином переднике, мурлыча в седые усы что-то не вполне членораздельное, с помощью каменного ножа и костяной терки сотворил когда-то

Бог мир. Сотворил мир как вдохновенное заклинание, чтобы помочь состояться чуду рождения человека.

4.8. Награда волшебнику

Теперь борщу нужно постоять минут десять. За это время можно перемыть использованную посуду и инвентарь, протереть стол и подготовить прочие вспомогательные продукты: нарезать хлеб и огурчики, почистить редиску, распушить кресс-салат, очистить пару зубков чеснока.

А как же чудо? Свершилось ли твое чудо, волшебник? Наверное, мама попробовала твоего борща и сразу стала здоровой и веселой? Вы навсегда остались вместе и жили долго и счастливо?

Не стоит понимать чудо так утилитарно. Маме борщ понравился. Назавтра в нем сыграют не полностью выжаренная свекла и базилик, и вкус его станет глубже и спокойнее. А вечером я вынес мусор, взял вещи и отправился на вокзал, где сел в плацкартный вагон скорого поезда «Лиски-Москва» и снова уехал, возможно, надолго. Засыпая на своей верхней боковой, я улыбался. Давно я не колдовал так радостно, наверное, с тех времен, когда готовил своим маленьким сыновьям. А жили мы тогда в общежитии на улице Курчатова в поселке Агудзера у самого синего моря, и никто еще не умирал, и не было еще войны...

А чудо? - Чудо должно сначала созреть, перед тем как оно явит себя миру, и увидеть его сможет только тот, кто очень этого захочет. Я всего лишь волшебник: все, что я могу – это попробовать помочь вам в этом.

Заключение. Рецепт моей бабушки

Надо сказать, что бабушка моя смотрела на пищу только как на средство поддержания жизни, поэтому готовить она не любила и не умела. Все ее рецепты можно пересчитать по пальцам одной руки, а это: картошка в мундире, «драчена на сале», капуста с затиркой, невообразимо ужасный «суп-бурдэ по генически» (название которого было почерпнуто из книжки «Капризка вождь ничевоков», купленной еще в Перми) и варенье из лепестков чайной розы.

Когда на каникулы мы приезжали к бабушке в гости, готовила обычно мама. Но иногда, если бабушка просыпалась с улыбкой и успевала заметить, что встала с правильной ноги, она вызывалась приготовить на обед «летнюю сырую икру». И это единственное ее блюдо, рецепт которого я хочу вам рассказать. Хочу рассказать вовсе не потому, что это какой-то изыск кулинарного искусства – рецепт столь же аскетичен, как и все остальные бабушкины рецепты, нет, просто, если вам придет в голову приготовить это чудо, вы будете думать о моей бабушке, и где-то в невообразимо забытом детстве моем она вам улыбнется.

Выпускница Рижской Ломоносовской императорской гимназии (а эта гимназия в годы первой мировой войны была эвакуирована из Риги в Геничеськ, где, из-за отсутствия на херсонщине великих княжон, обучала детей зажиточных крестьян) всю жизнь моя бабушка преподавала в школе русский и украинский языки, русскую и украинскую литературу. Любимым писателем ее был Чернышевский, а поэтом – Никитин. Восхищали ее Софья Ковалевская и герой войны, летчик-космонавт Георгий Береговой. Маленькая, чуть выше полутора метров ростом, полная и круглолицая, с редкими седыми волосами и бледно-голубыми, печальными глазами – такой она и осталась на перроне станции Новоалексеевка, когда, уже почти 30 лет назад, я последний раз уезжал из Геничеська. А на клумбе перед вокзалом цвели Анютины глазки.

Но вернемся к рецепту. Взяв маленькую сапку (так на Украине называют мотыгу) и корзинку для овощей, бабушка отправлялась на огород, где, невозможная копуша, и пропадала часа два. Возвращалась она с двумя-тремя спелыми баклажанами, и, почистив, ставила их варить на керосинке в соленой воде в большой алюминиевой кастрюле. Баклажаны вяло булькали минут сорок, потом, после того, как они остынут, бабушка тщательно их отжимала и пропускала через мясорубку. Через ту же мясорубку она пропускала пару луковиц. Несколько спелых помидоров терла на крупной терке. Все это перемешивала и крошила в получившуюся кашу пучок укропа. После этого сдабривала подсолнечным маслом, пробовала и, если ей казалось необходимым, то досаливала. Вот, собственно, и все...

Щелястый, деревянный стол, стоящий посреди беседки из дикого винограда, накрывался клеенкой, и икра в широкой миске ставилась посередине. В те времена геничеськая пекарня выпускала высокие, большие караваи пористого мягкого хлеба с хрустящей, пахучей, золотой корочкой. Икру ели, зачерпывая ее из миски большими широкими ломтями этого хлеба. А прямо на столе лежали, длинные и сочные, зеленые перья лука, прыщавые огурчики, редиска, зубья чеснока и плоска с крупными кристаллами сивашской соли.

Приложения

А. Особенности японской кухни

«Хара-га хетте-ва икуса-ва декини» - гласит мудрая японская пословица. Смысл ее понятен всякому, но, из педантизма, я переведу ее на русский: «на пустой желудок дела не сделаешь». Японцы – народ в среднем плотный, но не толстый. Поесть любят, и, не задумываясь, вкусное предпочитают полезному.

В любом большом японском магазине есть все. Обувь и одежда, бижутерия и косметика, аппаратура и книги. Его четыре этажа, связанные эскалатором в центре, заполнены народом, товаром и запахом химии и кожи. Третий первого этажа – сразу за полотенцами и китайскими кроссовками – отведена под гастроном.

Овощи и фрукты – едва-ли треть из них найдет название в русском языке. Рыбные ряды, где есть длинные кальмары и спирали шупалец осьминога. Темно-красное филе тунца и лоснящаяся сельдь. Креветки размером с ладонь (такие окуни обычно срываются на Богатом). Десяток сортов раковин. Икра красная - с голубиное яйцо - и черная – как глазки кильки. Чуть дальше – мясо и сыр, молоко и пиво, яйца и хлеб, специи и кофе.

И при каждом гастрономе есть свой маленький ресторанчик, который готовит на вынос. Источая запах водорослей и кипящего масла, в нем что-то режется, жарится, варится и в пластмассовых коробочках, накрытых пленкой, выносятся на стеллажи.

Примерно за сорок минут до закрытия магазина у прилавков с готовыми обедами и салатами начинают суетиться служащие в синих передниках. Они клеят на коробочки с блюдами красные кружки с синей цифрой – цифра означает скидку. Часть продуктов выносят на столики в проходе, и что-то громко кричат на своем тарабарском наречии. Каждые десять минут процедура повторяется и поверх первого кружка появляется новый – с цифрой побольше. Скидка не так велика – 200-300 йен, продукт изначально дешевый. Вы можете приобрести за пол цены, деликатесы по-прежнему остаются недоступными.

Именно в это время в магазине появляются истинные ценители национальной кухни. Это индусы и китайцы, студенты и средних лет и помятости японские джентльмены в пиджаках без пуговиц. Они осматривают уцененный товар, то с подозрением, то с брезгливостью, и складывают в авоськи те продукты, на съедобность которых интуитивно надеются.

Несколько раз и я участвовал в этом празднике жизни, набирая за 1000 йен еды на пару дней. Я попробовал и креветки в томате, и мелких как семечки жареных крабов, кальмаров размером в пятак, фаршированных рисом, и жареные вареники с мясом, и пять сортов макарон, и много такого, названия чего я не узнаю никогда.

Магазинные упаковки готовых блюд это современная стилизация под традиционный Японский тормозок – эки-ури бэнто (или просто экибэн) - «обед в коробочке». Изначально коробочка была деревянной или плетеной из лыка и в нее укладывался набор блюд, составляющий обед крестьянина в поле или горожанина на пикнике, впоследствии их продавали пассажирам на первых железнодорожных станциях. В меню такого обеда пять-шесть блюд: рис, салат, креветки, кальмары, рыба или мясо - завернуты в молодые листья бамбука, украшены зеленью и цветами. Составление обеда - своего рода искусство, гордость любой хозяйки, а обеды, составленные профессионалами этого дела, становятся

известны всей Японии. Такой обед - один из необходимых атрибутов оханами – любования лепестками сакуры.

Несколько десятков сортов сакуры растет по всей Японии. Цветы их разнообразны – есть похожие на персидскую сирень, есть розовые и пышные, словно маленькие хризантемы, есть и обычная вишня. Цветут они каждая в свой срок с середины марта до конца апреля, и самые ранние встречаются со снегом, а поздние передают эстафету золотым цитрусам. Но есть дней десять в начале апреля – период массового цветения сакуры, когда вся страна тонет в ослепительном тумане лепестков. Это время главного японского праздника, не привязанного к датам и не похожего на любые другие праздники на свете.

Внешне праздник этот прост, почти банален. В любой день, один или с друзьями, захватив побольше выпивки и закуски, ты располагаешься под любым цветущим деревом. Скинув туфли и развалившись на подстилке, ты пьешь и закусываешь до тех пор, пока блаженный хмель не одолеет слабый разум. После этого ты дремлешь, уткнувшись носом в мягкую траву где-то между салатом и бокалом.

Чтобы понять, почему японцы ждут этого праздника весь год, сядьте когда-нибудь под цветущей вишней. Поднимите с земли лепесток и всмотритесь в его овальную хрупкость. Бледно-пепельный – дуньте, и он навсегда исчезнет из вашей жизни.

Не такова ли и судьба самурая?.. На миг он появляется в этом мире, впитав сок родной земли. Случайный, невесомый и прекрасный без ропота исчезает он в свой срок. И белая пена лепестков сплошным потоком плывет по медленным равнинным рекам. И легкое дуновение ветра поднимает с земли бледные тени чьих-то жизней. Золотой Бог Милосердия стоит рядом с двухлитровой бутылкой саке в руке. Великий Будда прячет усмешку под смеженными веками, и сведенные вместе ногти больших пальцев сложенных на животе рук указывают на восток.

Подними ленивую руку и отодвинь в сторону покрывало иллюзии, которую так легко принять за жизнь. Не бойся, за этим покрывалом нет ни ада, нирая. Только тишина, имя которой покой. И как сладко, хотя бы раз в год, взглянуть ей в лицо, лежа на траве под цветущей сакурой.

На столе передо мною десяток почтовых карточек.. «Занесенная снегом сторожевая башня Фушими-ягура», «Луна урожая над сторожевой башней», «Ирисы в саду Ниномару», «Великий Будда Камакуры в час цветения вишни», «Торжественное действо заката у острова Еношима»... Их краски вычурны и нереальны в тусклом свете неопрятной поздней весны. Облака и обрывки снега на ветках березы за окном. Вечереет и накрапывает дождь. Трудно поверить, что открытки эти были частью жизни всего несколько дней назад. Что из плотной прозы последних лет, составленной из коротких повествовательных предложений, легко возникла на мгновение неторопливая восточная сказка. И так же легко растаяла. Краткий срок цветения сакуры. Лепестки, плывущие по медленным равнинным рекам.

На берегу океана я подобрал забытую отливом раковину морского моллюска. Вернувшись в общагу, я опустил ее в кипящую воду и, когда створки раскрылись, я извлек вилкой их тщедушного обитателя и съел. Хара-га, приятель.

Б. Добродушный дракон

Выходной день. Десять утра. Вооруженный зрением узких ос, парой тысяч йен и знанием двух японских слов: «спасибо» и «не понимаю» я отправляюсь в пешую экспедицию к Токийскому заливу. Через пять минут – небольшой ручей, отделяющий Сайтаму от Токио, и впереди двадцать пять километров Японской столицы. Я помню кадры новостей, которые видел в детстве, – забитые машинами улицы, герметично закрытые окна квартир, люди в противогазах на тротуарах. Я прохожу мимо полицейской будки на перекрестке. В торжественной темно-синей форме пожилой страж порядка дремлет на боевом посту. На стекле надпись: «Берегите мир в Токио».

Токио – это не один, а как минимум два города, мирно живущих на общей территории.

Здесь есть районы, такие как Шиньёку и Гинза, построенные в пику Нью-Йорку и Чикаго, где шикарно-заносчивые небоскребы заставляют заглядывать в облака, чтобы рассмотреть рекламу под крышей. Здесь есть многокилометровые автострады, в которых воплотился бессмертный дух плотницкой линейки Петра Великого, – прямые как стрела, взрывающиеся ревом мотоциклов и машин на зеленый глаз светофора. Они часами убегают под ноги, как склеенная в кольцо кинолента, бесконечные и одинаковые. Здесь есть парки, с утра до вечера гремящие, звенящие и визжащие современной индустрией развлечений. Где черт вертит свои колеса, где мечутся тележки американских горок, где лифт, медленно ползущий на вершину высоченной башни, вдруг срывается вниз в свободном падении и оглашает окрестности согласным воплем своих пассажиров.

Да, это современная купеческая столица, куда стекаются деньги половины Азии, чтобы вспыхнуть красками безумно дорогих кимоно японских красавиц в шикарных ресторанах.

Но даже в Гинзе, о которой нельзя сказать иначе, чем «О, Гинза!», сделайте десять шагов в сторону от сияющего витринами проспекта – и Вы окажетесь на улочке шириной два с половиной метра. И игрушечные, крытые черепицей, домики плотно прижались друг к другу.

Много часов я блуждал в лабиринте таких улочек южнее Икебукуро. Цветущие камелии, восковые кроны магнолий, качающиеся пятернями бледных листьев невысокие пальмы. Каменная плитка мостовых, где протиснется не всякая машина. Проулки, где пешеходы разойдутся лишь боком. У входа в дом дворик полтора на два метра, но в этом дворике есть и деревце, и ручеек, и скульптурка медведя с бутылкой sake в лапе. Между забором и стеной сарайчика лежит пузырек от витаминов, забытый играющими мальчишками в прошлом году.

Частая, но всегда внезапная скульптура. Беззаботный бронзовый художник, в широкополой шляпе, свесил ноги с высокого забора, и такой же беззаботный бронзовый голубь присел у его плеча. Странный зверь с телом льва, лицом человека и большими слюдяными глазами нежно прижимает к груди своего детеныша. Две девчонки-иностранки, длинноносые и длинноволосые, в блузках и джинсах, в модных тубельках навеки заболтались у перекрестка.

Идущие без цели, поворачивающие без надобности, сияющие чистотой и сладко пахнущие субтропиками – улочки, улочки и улочки, безмянные и бесчисленные.

Сколько раз, за серым каменным забором, я узнавал квадратный окруженный домами феодосийский двор, в котором прошло мое детство. Именно таким я вижу его в снах уже почти двадцать лет нашей разлуки.

Маленький дворик буддийского храма, с деревянными воротами и камнем с иероглифами перед входом. Войдя внутрь, Вы можете бросить в деревянный ящик горсть монет и дважды ударить в гонг, или позвонить бубенчиками, или просто хлопнуть в ладошки. Где обязательно будет ручеек длиной два метра с аркой мостика посередине. Мелкий пруд с черепахой и золотыми карпами. Водопад, стекающий из пасти добродушного дракона.

Кладбище – в три ряда узкие короткие надгробья. Каждая могила – это символические воротца, алтарчик для курений, чаша с живыми цветами и стаканчик sake. За невысоким камнем с иероглифами, в сделанных из бамбука специальных ячейках стоят длинные дощечки, похожие на обструганные штакетины, с надписями. Они тонко тарахтят друг о друга при дуновении ветра.

Но еще десять шагов, внезапный поворот, и Вы падаете в грохот широкого мира вертикальных каменных громад, аккуратно протискивающегося между старыми районами. Протискивающегося и расплзающегося от Токийского залива на юг, на север, на запад на десятки километров.

Среди неухоженных портовых районов, однообразных и неярких, я случайно набрел на малюсенький парк возле лодочной станции, со скамейки которого были видны и десяток видов деревьев, собранных здесь, и десятки этажей зданий разбросанных по обе стороны канала. Его портрет зарисовал я в своем блокноте, и многократное «ка» - это лишь крик чаек, поднятых в небо волной от проходящей баржи.

В пяти шагах от берега канала,
В пяти минутах от всемирных дел
Свой пяточок под небом отыскала
Любовь к камням, деревьям и воде:
Три иероглифа начертаны на камне,
В искусном ложе шелестит ручей
И мох, протяжно пахнувший веками,
И две иглы сосновых на плече...
Смурное утро. Редкие дождевики
Отрывисты, невзрачны и пусты –
Звенят в жестянку на краю тропинки,
Сбегающей к причалу сквозь кусты.
Калитка заперта и станция безлюдна,
До лета лодки спрятаны в сарай.
Царапает прибрежный серый студень
Ракушки на боках у грязных свай.
Случайно как, как грустно и как метко –
В каких мечтах ты это место знал?..
Я бросил вниз блестящую монетку,
Когда взошел на мост через канал.

...Есть еще третий Токио.

Это Уено парк, когда холмы его замечает цветущая сакура. Где в зоопарке, по пижонски вихляя лапами, гуляет гигантский панда. Где, родина уток и карпов, - три озера, над

одним из которых я сидел, свесив ноги к воде. А над сухими камышинами, вдали, поднималась многоярусная крыша храма.

Это императорский дворец, окруженный рвом с водой, с каменными стенами и невысокими башнями, утонувшими в листве, где ...

В. Тропою удивления

Если первая половина японской пословицы: "глупец тот, кто ни разу в жизни не бывал на Фудзи" - проскальзывает мимо сознания как общее место, то вторая ее часть: "но дважды глупец тот, кто взошел на Фудзи второй раз" - рождает удивление. «Исходя от удивления, мудрость в конечном счете приходит к такому удивлению, которое противоположно первоначальному,» - напутствует Аристотель в своей Метафизике незадачливого покорителя Фудзи.

Фудзияма - один из национальных символов Японии. Даже не будучи знатным японоведом, я сразу поверил рассказу о том, что случилось когда, где-то уже в семидесятых, после точных измерений с помощью спутника выяснилось, что одна из гор японского архипелага на несколько метров выше Фудзи. Угадайте с одного раза, как японская нация отреагировала на такое унижение святыни? Вы правы, никто не стал взрывать гордичку атомными бомбами - просто один из склонов кратера Фудзи досыпали на недостающие метры. И сейчас Фудзияма - высшая точка Японии, с официальной высотой 3776 метров над уровнем океана.

Восхождение на Фудзи никогда не будет гордостью для более или менее серьезного альпиниста - весь путь идет пешком и не требует никакой предварительной подготовки, кроме желания достичь вершины. А в августе сказочной страны всегда найдется три десятка попутчиков, не достаточно старых для того, чтобы завидовать по вечерам не утратившим дара желать. Автобус, нанятый русским клубом в Токио, довез нас до отметки примерно в 2200, так что до вершины было всего лишь полтора с небольшим километра. Из своей кавказской юности я помню подсчеты знакомых альпинистов: при средней нагрузке 400 метров подъема - один час пути. И когда наш руководитель сказал, что, выступая в пол одиннадцатого вечера, мы имеем сто процентные шансы в пять утра встретить рассвет на вершине, я внутренне ухмыльнулся. И, однако же, лично мне - смокеру и дринкеру - первые пятьсот метров подъема дались на редкость тяжело.

Но подъем на Фудзи не имеет ничего общего (или весьма мало) со спортом, точно так же, как совершенно лишен смысла вопрос: а кто победит, если в поединке сойдутся борец сумо и боксер, или борец сумо и каратист? Никогда не сойдутся в поединке борец сумо и боксер, точно так же, как, например, никогда не будет православный батюшка проповедовать в мечети. Ибо сумо - это тоже род религиозного действия, в котором всё, начиная с устройства ринга, навеса над ним, чаши для омовения, одежды и прически борцов, и заканчивая криками зрителей, имеет свое символическое значение, возраст которому тысяча лет. Возникшее в те времена, когда предводитель узкоглазых пришельцев, могучий бог Таке-миказучи, предложил вождю местного племени, собравшего рать для истребления захватчиков, решить спор за право владеть Японскими островами в кулачном поединке.

Я возник в Японии значительно позже, и, случайно, мое возникновение совпало по времени с одним из шести ежегодно проводимых гранд турниров по сумо. К этому моменту я уже знал, что такое сумо: безобразно толстые – килограмм под сто пятьдесят – мужики с короткого разбега толкают друг друга грудью, стараясь скинуть с помоста. Весь поединок – десяток секунд. Что может нравиться в этой нелепице утонченно-культурным японцам? Знал по случайно виденным пару раз в новостях центральным поединкам. Нет, и будучи в Японии, я не посещал стадионов, ограничившись тем, что несколько дней подряд, придя домой поужинать, садился с яичницей и пивом перед телевизором и в течение часа смотрел прямую трансляцию. И все же мне хватило этого, чтобы почувствовать возможность ответа на свое почти риторическое недоумение.

Вот они - две туши - вразвалку приближаются к рингу. Одинаковые прически – их готовят почти час перед поединком, умащая волосы и собирая их в тугий узел на затылке, сколотый деревянным гребнем. Плотные шелковые пояса – они отличаются лишь цветом – широкой многослойной лентой лежат на необъятных торсах. Победитель предыдущего поединка, набрав воды из чаши у края помоста специальной ложкой с длинной ручкой, сливает в приемник - освежить руки и лицо. После омовения противники неспешно поднимаются на помост. Присев каждый у своего края, поклоном приветствуют друг друга. Зачерпнув жменю из плошки в углу ринга, широким жестом (так сеятель бросает зерна в весеннюю борозду) они посыпают помост крупными кристаллами соли. Затем, лизнув два пальца, картинным жестом хлопают ладонью по шелку пояса. Каждый неторопливо обходит место будущего поединка, притопывая ногами, как бы изучая его. Друг на друга они не смотрят, но оба знают, что именно от того, кто более уверен в себе в этот момент и зависит исход борьбы.

Напряжение момента скрыто за будничностью поведения участников: так работники, нанятые хозяином, чтобы выкопать выгребную яму на огороде, неторопливо осматривают участок, пытаюсь определить, где мягче земля. Но вот один, подойдя к стартовой точке, присев, опирается о помост костяшками пальцев. Второй останавливается у своей отметки и, примерившись, пристально глядя в глаза соперника, начинает опускаться в боевую позицию, и рука его, сжатая в кулак, медленно, но неумолимо приближается к помосту. Но нет, один из них еще не готов. Оба встают, расходятся, и ритуал повторяется сначала – с посыпания помоста солью и картинных хлопков ладонью по упругим шелковым поясам.

Судья – маленький и тощий по сравнению с могучими воинами – одетый в яркое кимоно до щиколоток (а цвет кимоно строго соответствует квалификации арбитра), как движется он по помосту, как, сделав несколько танцевальных па, застывает он в вычурной позе, помахая веером! Нет, он не поединок судит - он песню поет! И имеющий уши да услышит. И пусть именно по его едва заметному знаку бойцы начинают схватку, но не он решает, кто победил, он лишь констатирует очевидное. Никто из борцов никогда не апеллирует к рефери. Результат поединка известен им и так. Судья лишь высшая сила, которая освящает своим присутствием происходящее. Которая принимает поклон побежденного и награждает победителя.

Но вот оба готовы к главному, и едва дрогнуло опахало судьи. Стремительный бросок навстречу друг другу. Только замедленный повтор – это чудо телевидения – способен приоткрыть тайну взрыва страстей, отразившуюся на лицах. Мгновение и один из борцов – круглая десятипудовая туша – кубарем катится под ноги зрителей первого ряда. Победитель, наклонившись с помоста, подает ему руку, помогая подняться.

Взгляните на него, на героя этого сражения. Вот он сидит на корточках у своего края ринга. Сделав ритуальный жест рукой, берет у подошедшего судьи знак своей победы. Лицо его спокойно, и только капля пота падает с подбородка. Именно так - с выражением спокойного достоинства на лице - восходят японцы на Фудзи.

Фудзи - вовсе не конус, которым она видится издали, и который изображен на миллионах открыток,- это пирамида с шестью или семью практически плоскими гранями, разделенными отчетливо выраженными ребрами (возможно так - прямыми долинами - стекала лава из этого вулкана). На каждой из граней проложена тропа, или ведущая к вершине, или приспособленная для спуска. Тропа, по которой поднимался я, напоминала скорее лестницу на крышу небоскреба. Почти одинаковые пролеты метров по пятьдесят, уклон не больше 40 градусов. Через каждые двести - триста метров подъема – площадка

для отдыха, где можно посидеть в теплом домике, выпить горячий кофе или съесть плоскую макарон. Наиболее крутые места тропы подсвечены фонарями, спрятанными в камнях. Японцы, по большей части совершающие восхождение группами, в которой на каске первого и последнего из идущих горит красный фонарик, через каждые метров сто, присев на камни, устраивают переключку по списку и вместе радуются тому, что никто еще не потерялся. В одном месте большая бетонная стена ограждала тропу от осыпи. Цвет бетона (а я думаю, что состав его подбирался с участием художников) идеально совпадает с цветом крошек лавы на дороге, но эта выросшая справа из темноты машина окончательно превратила восхождение в некоторое подобие бутафорского фарса.

Где-то за пятьсот метров от вершины исчезают последние признаки спортивного мероприятия. Вы утыкаетесь в сплошной поток людей, в котором можно сделать лишь два шага, и потом минуту ждать, упершись носом в рюкзак идущего впереди. Но, остановившись на склоне, обведем его взглядом. Все это - извивающаяся полуктора километровая цепочка фонариков, разделенная горизонтальными полосками света на привалах, предрассветная прохлада и ровный звон бубенцов на деревянных посохах, нереальные полуискусственные склоны - залито совершенно нашатырным светом почти полной луны. А чуть дальше к океану - розовыми пятнами на молоке тумана разбросаны очаги городов.

И за пятьдесят метров до вершины, когда край солнечного диска появляется над горизонтом, затертый в море людей, ты понимаешь, наконец, что не твои силы определяют скорость движения вверх, а только та невнятная жажда встретить рассвет раньше всех, которая мобилизовала и привела сюда многотысячную толпу, жажда, воплощающая поток подсознания в поток тел.

Я размахивал российским флагом, я пил на вершине шампанское и напиток со странным названием "чу-хай" закусывал бутербродом с московской колбасой, я заглядывал в жерло - эту жуткую дырку, которая еще помнит преисподнюю, в которой родилась. Как все нормальные туристы, я набрал камней из кратера, у священного камня со мной сфотографировалась рыжая японская девчонка (а я еще тот экземпляр белой обезьяны - мало того, что с усами, я был один из всего общества при параде - единственная теплая одежда, которую я захватил с собой был пиджак, что делало меня похожим на дипломата, посетившего Фудзи на вертолете) и я выставил два пальца в объектив фотоаппарата. В стойку деревянных ворот, ведущих к счастью, я воткнул свои пять копеек рядом с сотнями японских йен. А внизу лохматым молоком разлились облака, и только в малом разрыве их, обрызганный росой, сиял золотом вытянутый овал автострады.

При спуске, около восьми утра, нам встретилась странная кавалькада. Человек десять молодых парней, используя приспособления, похожие на хомуты, тащили на вершину инвалидную коляску с парализованным стариком. Похоже, что он был еще и слеп, так как глаза его закрывали очки с темными стеклами. Что почувствует эта человеческая развалина, когда ему скажут: «Имярек-сан, Вы на вершине Фудзи»? Слезами чего: радости, чувства выполненного долга, любви к родителям, омоет свои щеки тот, кто с трепетом (принимая как высокую честь) подставил свою шею хомуту?

Г. В волшебной стране

1. Впервые я приехал в Токио в середине марта 1998 года. Целью поездки было участие в работе над новым проектом фабрики пучков радиоактивных ионов в институте химических и физических исследований RIKEN. RIKEN располагается на окраине столицы, там, где она незаметно перетекает в соседний город Сайтама.

Не думаю, что моя работа может быть интересна кому-нибудь кроме трех десятков таких же чудаков, как и я. Ни слова не скажу я и о Токио, хотя этот город почти растворил меня своими сладкими соками: с надеждой упования я ждал каждого выходного дня, чтобы снова окунуться в это варево из цветущей сакуры, субтропической зелени и запаха океана. С горечью считал оставшиеся дни: вот уже и предпоследняя суббота, вот уже и предпоследнее воскресенье...

Как бы там ни было, но к завершению срока командировки я подготовил черновик отчета и сдал его местному начальнику, а в пятницу, за день до вылета, доложил на семинаре основные результаты моей работы. Семинар закончился в семь, и на фарэвел японские коллеги пригласили меня в ресторан. После ужина я отказался от предложения подвезти к общежитию – пешком можно было дойти минут за двадцать - и помахал вслед разъехавшимся машинам.

До предела заполненный впечатлениями отрезок времени, короткий и стремительный, канул, и осталось лишь чуть больше 12 часов до самолета. И когда я стоял один на небольшой площади возле станции метро, на вопрос: «сколько времени ты провел в Токио?» – одинаково искренне мог ответить и: «всего месяц», и: «целую жизнь».

2. Накатывающая сонливость выдавала приближение дождя, время около 11, а встать я собирался часов в шесть, чтобы без паники собраться и добраться в аэропорт. Опасаясь проспать завтрашнюю побудку, после недолгого раздумья я решил не ложиться в эту ночь, и, чтобы она была не очень длинной, вознамерился прогуляться пару часов, и лишь потом идти в общагу. Не спеша я двинулся по первой попавшейся улице, и с пол часа шел, никуда не сворачивая.

Окраины всех больших городов похожи друг на друга: прямые широкие улицы с ровными рядами одинаковых многоэтажек по сторонам. Окраины Токио отличаются лишь тем, что среди современных кварталов то там то здесь встречаются крошечные островки маленьких домиков, оставшиеся от деревушек начала века. И сами многоэтажки выглядят несколько непривычно: они плоские, словно колода карт, поставленная на ребро. На каждом этаже только один ряд маленьких квартирок, а общий коридор на манер лоджии протянулся вдоль этажа снаружи здания.

Назревавший дождь таки состоялся и, дойдя до ближайшего перекрестка, я спрятался от него под лестницей пешеходного мостика. Мелкая водяная пыль витала в воздухе и медленно опускалась на асфальт, превращая его черную поверхность в мутное зеркало. Свет редких бледно розовых фонарей дробился в каплях, образуя вокруг ламп сферический волнующийся нимб, змеился и взвизгивал под колесами случайной машины. Пронзительная предрассветная свежесть, размытость очертаний всех предметов сообщали окружающему отчетливо ощущаемую нереальность. Нереальность происходящего вдруг столь яростно захлестнула меня, что неосознанно я коснулся цветка камелии на кусте рядом с лестницей. Холодная влага лепестков на пальцах вернула мое зрение в нормальное состояние: очертания предметов вновь стали отчетливы, и я сообразил, что дождь уже закончился.

3. Ну что ж, пора и домой. Я развернулся и двинулся в сторону метро. Пройдя минут сорок, я не обнаружил знакомой станции. Еще через десять минут я понял, что с моим маршрутом произошло что-то неправильное. Вспомнив в деталях все свои действия, без труда я отыскал свою ошибку. Прячась от дождя, я попал в свое укрытие, перейдя перекресток наискосок. Когда же я двинулся в обратный путь, то просто пересек улицу и таким образом устремился в направлении перпендикулярном желаемому. Нет проблем: времени еще много и, если прогулка удлинилась на час, то это даже и к лучшему.

Я повернул назад, быстрым шагом дошел до своего перекрестка, который я узнал по кусту камелии возле пешеходного мостика, перешел на нужную улицу и снова двинулся к метро. Ни через пол часа, ни через сорок минут (а я уже почти перешел на бег) станция метро не обнаружилась. Более того, вдруг, впереди я увидел уже знакомый мне перекресток с цветущим кустом камелии возле пешеходного мостика.

Почти граничащая с безумием паника хлынула в мозг: я заблудился. Время – второй час ночи. Прошел я уже километров десять и могу находиться от места назначения достаточно далеко. Даже если мне встретится прохожий, с весьма большой вероятностью он может не знать, что такое RIKEN, и, даже если он и поймет меня, то я не пойму его объяснений. Можно, конечно, спрашивать, где находится ближайшая станция метро. Расстояние между станциями 3 – 5 километров и, возможно, одна из них спряталась где-нибудь за углом. Но первая электричка будет не раньше шести и не факт, что я попаду именно на свою линию. Ориентироваться по табличкам на домах в Токио невозможно – большинство улиц не имеют названий, и, даже с планом района в кармане, определить, где ты находишься по двум цифрам на фасаде – неразрешимая задача. Все: по собственной самонадеянности я, скорее всего, опоздал на свой самолет. Впереди выходные и помочь мне выбраться из этой ситуации будет некому.

4. Умом я понимал, что даже в самом худшем случае мне предстоит потерять пару дней, оформляя разные бумажки в аэропорту и посольстве, и по максимуму это приключение влетит мне в около тысячи долларов, которые у меня имеются. Однако, такие рассуждения ничуть не уменьшали моего фанатичного испуга. Дело в том, что, каждый раз находясь за пределами родины, постоянно я испытываю не всегда осознанное внутреннее напряжение.

Может быть, это чувство станет вам понятнее при таком его символическом истолковании. Дома моя судьба находится в руках своих родных богов, к характеру и привычкам которых я успел приспособиться с детства. Здесь же я вручил себя богам незнакомым и, даже зная, что они добрее и ласковее, чем боги моей земли, я постоянно жду от них какого-нибудь подвоха. В любой момент по неведомой прихоти они могут погубить меня, и единственная защита, на которую я могу уповать – это обратный билет в кармане: потеряй я его, и их власть надо мной станет безраздельной.

На грани отчаянья, я продолжал двигаться вперед, с надеждой набрести на ночной магазинчик и втолковать продавцу, что мне нужно вызвать такси с водителем, понимающим по-английски. Вдоль противоположной стороны улицы протянулась ограда из декоративных кустов, ступеньками поднимающаяся метра на полтора. Невдалеке в этой ограде были ворота, на одной из боковых колонн которых я разглядел большую чугунную плиту с выбитой надписью. Почти машинально я перешел дорогу и прочитал эту надпись. Она гласила, что за забором находится институт физических и химических исследований RIKEN.

5. Отчетливый звук рвущейся ткани раздался где-то у меня над головой, и в голове моей мгновенно все перевернулось. Улица развернулась на сто восемьдесят градусов и стала знакомой. Я понял, где я нахожусь, понял, что моя комната в общежитии всего в полукилометре за этими воротами, и, почти одолевшее меня, отчаяние обрушилось на меня безумной эйфорией. Я не понимал, как я оказался здесь (позднее мои попытки вычислить по карте района свой ночной маршрут лишь укрепили убеждение в невозможности того, что случилось – планарная геометрия не в силах описать чудо), и это непонимание вселило в меня уверенность в том, что что бы я ни делал, какие бы антраша не вытворял, я буду насильственно выловлен силами судьбы и доставлен домой, даже вопреки собственной воле.

Сунув руку в карман за сигаретой, я обнаружил, что пачка пуста, и, чуть не надрываясь от идиотского смеха, отправился в расположенный невдалеке торговый район, где были автоматы, продающие табачные изделия. На узкой улочке возле банкомата большой железный ящик с громом вывалил мне дорогие сигареты - черная морда бульдога на золотой пачке, и, по-прежнему пребывая в состоянии внутреннего восторга, я оглянулся по сторонам с мыслью: уж раз мне сегодня все дозволено, то что бы еще такое отчебучить?

Как по заказу, дверь в доме напротив отворилась, и из нее вывалила подгулявшая молодежь. За дверью я увидел лестницу на второй этаж, по которой плыла вниз тихая музыка. Рядом с дверью была витрина, заставленная блюдами с различными яствами из папье-маше, свидетельствующая о том, что за дверью находится ресторан. Ни секунды не раздумывая, я вошел внутрь.

6. Налево от входа располагался зал в традиционном японском стиле. Длинные, наверное, на шесть персон, массивные деревянные столы высотой сантиметров двадцать пять, возле которых нужно сидеть по-турецки на мягких подушках, разделены невысокими перегородками. За одним из них догуливала вечер не шумная, но добрая компания.

Комната прямо у входа была приспособлена для европейцев, хотя, отчасти, она напоминала и местные забегаловки, где можно было перехватить по дешевке суши. В дальнюю стену на уровне груди был вмонтирован длинный деревянный брус, подобный стойке бара. Полупрозрачными перегородками он был разбит на небольшие кабинки, в каждой из которых стояло по два высоких вращающихся стула без спинки. У стены над этим подобием стола было небольшое возвышение с салфетками и зубочистками, а на стене в центре ячейки тусклый свет струило замысловатое бра. Комната была мала и безлюдна.

Дежуривший у входа официант принял мои туфли, поставил их на специальную полочку у входа и проводил меня в крайнюю кабинку. Справа за ней была дверь в маленькое и полутемное подсобное помещение, из которого и раздавалась тихая музыка, завлекшая меня сюда. Где-то еще дальше была дверь в кухню. Половину двери в подсобку перегородивал большой аквариум, чуть подсвеченный снизу, и рыбки время от времени рассыпались золотыми искрами среди его гротов и водорослей. Прямо за спиной у меня был шкаф-витрина с образцами предлагаемого sake. Таким образом, я очутился как бы в маленькой комнатке, размерами примерно полтора на полтора метра, окруженный со всех сторон полумраком, музыкой, стеклом и морем.

Официант протянул мне лист меню, полный иероглифов, и прошептал что-то на японском языке. В ответ на мое: самсинг ту ит энд самсинг ту дринк, - он прокричал в

недра подсобки магическое слово: «Яскасуга!» - и, потеряв ко мне всяческий интерес, удалился дремать на свой боевой пост.

7. Через пол минуты появилась девушка лет двадцати с толстенной кожаной папкой, которую мне и протянула. Чуть нервничая, она сообщила, что является единственным человеком в заведении, умеющим изъясняться по-английски, именно ее и зовут Яскасуга, и она будет обслуживать меня в этот вечер. В папке оказалось меню, где рядом с названием каждого блюда красовалась его цветная фотография. Я начал было перелистывать этот фолиант, когда девушка спросила у меня, не хочу ли я чего-нибудь выпить, пока заказ будет готовиться.

У меня ничего не получится, если я возьмусь описать ее внешность. Более того, убежден, что ни за что не смогу узнать ее при встрече. Невысокого роста, чернявая, как и все японцы, короткая стрижка, круглое лицо со странной формой глаз, плавные контуры, наверное, мягкого на ощупь, тела. Если вы хотите представить ее себе – взгляните на любой аляповатый японский календарик.

Вселившийся в меня бес вседозволенности мгновенно продиктовал ответ: да, конечно, я что-нибудь выпью, но не желает ли она присоединиться ко мне? Тощая жердь на высоком стуле - лохматая курчавая шевелюра, очки и усы, в черном костюме и белой рубашке при галстукке (а в те времена я вырядился на каждый семинар, как на праздник) - застывшая в позе богомола с растопыренными локтями, и лишь порою забавно вихляющаяся на своем насесте: странное же впечатление должен был я на нее произвести! Удивительно, но мое нахальство возымело действие противоположное тому, которое я ожидал. Ее начальная нервозность мгновенно исчезла, она перестала излишне старательно выговаривать трудные английские слова и превратилась в какую-то совершенно домашнюю девчонку.

- Спиртное мне нельзя на работе, но от сока я бы не отказалась.

- Тогда стакан сока и стакан подогретого sake - на Ваш вкус.

Пока она ходила за напитками, я присмотрел себе в меню плоскую полукруглую ракушку. Записав что-то в маленький блокнотик, она сбегала на кухню, тут же вернулась и примостилась на крутящемся стуле рядом со мной. Вслед за ней подошел парень и поставил на столик необычное сооружение. Это была металлическая посуда, плотно закрытая крышкой. Стояла она на трех высоких ножках, а прямо под ней был закопченный толстый пятак. На этот пятак парень положил круглую таблетку сухого горючего, поджег ее и удалился. Я скажу Вам, когда будет готово, - остановила мою попытку заглянуть под крышку моя визави.

8. Бессмысленно последовательно пересказывать наш разговор. Он протекал в странном ритме звучащей музыки, без инициативы и направления. Когда нам не хватало слов, она вырывала листик из своего блокнота, и мы переходили на рисунки. Не было в нашем общении и тени чувственности, но волна какой-то непостижимой близости медленно затопляла меня. То же самое – и в этом невозможно ошибиться – испытывала и она, и это наше общее жило и росло вне беседы, сообщая даже самым никчемным словам и магический смысл, и вязкость теплого сна.

Она извинилась за свой английский – только недавно начала его изучать, а иностранцы практически не бывают в этом районе и ей не с кем тренироваться, поэтому она так рада поговорить со мной. Совершенно искренне я сознался ей в том же самом: что я редко бываю за границей и мой английский плох и беден словами, но ведь отсутствие общего языка не мешает людям, когда они понимают друг друга. Я спросил, что означает по-японски ее имя. Не уверен, что правильно понял, но Яскасуга – это «желанная для своих

родителей». А родители ее живут далеко-далеко, на острове Хоккайдо рядом с Саппоро. Там бывает настоящая зима, и оттуда нужно 18 часов ехать на поезде до Нигата, а потом еще три часа, чтобы добраться до Токио. Я рассказал ей, откуда произошло и что обозначает мое имя. О том, что Россия намного больше Японии, и много раз мне приходилось ездить поездами по несколько суток. О том, что я впервые в Японии и сегодня я вернусь обратно в Москву, не зная, появлюсь ли еще хоть когда-нибудь здесь.

Посудина на столе забулькала, Яскасуга потушила огонек под ней, принесла большое блюдо с чашечкой соуса и извлекла из-под крышки три огромные – с ладонь величиной – плоские раковины, в открывшихся створках которых прятались крохотные тела моллюсков. Разделить трапезу со мной она отказалась, но взялась обучить меня способу употребления в пищу этого странного деликатеса. Время от времени она пополняла мой стакан свежей порцией теплого саке, а себя потчевала апельсиновым соком.

Неожиданно входная дверь отворилась, и вошли несколько серьезных официальных мужчин. Девушка тут же упорхнула из-за моего стола, прихватив и свой стакан сока. Посетители прошли в японский зал, и вокруг них оживленно засуетилась разнообразная челядь. Это мой босс, - шепнула, пробегая мимо, Яскасуга, - я больше не могу сидеть с Вами, но иногда буду подходить. Я заказал еще один стакан саке и щупальце осьминога. Исполнив заказ, она оставила на моем столике записку на листке из блокнота и исчезла за входной дверью. Я прочитал несколько строк на сером прямоугольнике, и иллюзия начала трескаться и рассыпаться. Даже если бы я захотел сохранить ее прозрачную хрупкость – моей вседозволенности осталось жить лишь несколько часов: самолет из Москвы в Токио находился где-то в небе над Диксоном.

Я расплатился и вышел. Фонари и витрины еще ярко сияли, но низкие облака уже подернулись пеплом. Свернув в переулок, в ночном магазине я купил сэндвич и отправился укладывать свою сумку.

9. Большую часть моих трофеев – битые ракушки с берега океана, всяческие рюмочки–тарелочки, чайнички и прочая дребедень, продаваемая на блошиных рынках – пришлось отнести в мусорный контейнер, и все равно сумка получилась килограмм под тридцать. Для рюкзака это терпимо, для одной руки и дальней дороги - почти мертвый якорь. Два километра до метро я проделал только что не ползком. Все двухчасовое путешествие под и над землей прошло в страхе перед возможностью заснуть в вагоне, пропустить свою станцию или заблудиться в порою довольно сложных переходах.

На горящих плечах плотно надутый воздушный шарик головы – таким я выпал к посадке, избавившись от ненавистной сумки у окошка Аэрофлота. Как это ни странно, но сон, с которым я героически боролся в метро, полностью улетучился. И после обеда на борту, и после того, как стюардессы раздали одеяла и опустили шторы иллюминаторов, звонкая, начисто лишенная мыслей ясность осталась главным моим ощущением. Пустая ясность, пронзительная до того, что порою казалось, что я вижу окружающие предметы насквозь.

В тележке самолетного дьюти-фри я выловил бутылку джина и зарядил в уши наушники, играющие по кругу старые советские песенки. Можжевельник на две трети разбавленный водю со льдом, звонкая пустота в голове и скрип старой пленки в ушах. Звонкая пустота в голове медленно начала мутнеть от алкоголя и, незаметно, я потерял себя в музыке и полете.

Посадка, паспортный контроль, получение багажа и таможня навсегда выпали из моей жизни. Связь времен восстановилась, когда мои туфли утонули в свежевыпавшем, чистом,

но уже рыхлом снегу на выходе из аэропорта, а в лицо плюнуло горьким и сырым запахом поздней промозглой весны. Я вытащил из кармана золотую пачку с черной мордой бульдога и маленький прямоугольник серой бумаги. «I have a good time. I want to speak more and more, but I can't here sorry. Someday let's drink kikosu – it's sake's name you drink today. Thank you!! Yasukosuga.» С характерным звуком закрывающейся автоматической двери покрывало майи сомкнулось у меня за спиной.

Д. Оправдание чуда

Когда в третий раз за относительно небольшой промежуток времени приезжаешь в тот же самый город, жадное ожидание чуда уступает место той чуть терпкой грусти, которая сопутствует разлукам и встречам. Ночью, во дворике маленькой церкви, приходит вдруг что-то подобное:

Я вернулся в знакомый до боли,
как второе кольцо на руке,
чтоб сорить лепестками магнолий
в подогретую жижу sake.
Не тебя довелось мне оставить,
не с тобой по живому рвалось -
так за что ты терзаешь мне память
теми днями, что прожиты врозь?
Пряный дух субтропической ночи,
липкий мрак, гуттаперчевый дождь,
продиктуй мне хотя бы подстрочник
той заветной, что другу споешь.
На скамье у безлюдного храма
я устами к тебе припаду,
чтоб сосать вековую отраву,
как священные карпы в пруду.

Но никогда ты меня не обманешь, жизнь, иллюзией возвращения в знакомые места, грустью оттого, что все чудеса остались позади. Достаточно знать, что самое удивительное и самое важное всегда происходит именно здесь и именно сейчас. Нужно лишь открыть глаза и успеть это увидеть.

И вот оно началось, началось пулеметной дробью барабанов и звоном гонгов.

Гонг - небольшой, круглый и массивный медный диск, на нескольких растяжках закрепленный в деревянном обруче. Сам обруч на хитром приспособлении, надеваемом на шею, на опирающихся на грудь подставках, располагается на расстоянии вытянутой руки впереди играющего на нем музыканта, так что тот может с двух сторон лупить по нему деревянными колотушками.

Барабаны - сплюснутые пузатые бочонки, обтянутые желтой кожей, - бывают двух размеров. Барабан маленький располагается горизонтально, чуть ниже пояса и выдвинут вперед, на таком же устройстве, что и гонг и Вы можете бить в него палочками, как заправский пионер. Большой барабан расположен вертикально у самой груди музыканта, почти упираясь в подбородок. Он запрокинул голову назад, сильно прогнул спину, руки с колотушками, время от времени, выделывают в воздухе невероятные пируэты - кажется, что наблюдаешь вдохновенное упражнение в каком-то фантастическом твисте.

Так же внезапно, как возникла, дробь умолкает. Пауза в десять секунд и барабаны и гонги начинают выбивать примитивный, почти монотонный ритм, и к ним присоединяются две флейты и домбра. Шествие двинулось в путь.

(Действие происходит на небольшой улочке, ведущей от Кавагоэ-авеню к площади у станции метро. Шириной метров семь, она вымощена коричневой керамической плиткой, и тротуары обозначены лишь такой же плиткой белого цвета. Восемь вечера, но из-за

того, что местное время на три часа сдвинуто относительно географического, уже темнота кромешная, и улочка сияет радужным светом рекламы и фонарей.)

Шествие состоит из бесчисленного числа небольших колонн (человек по 40 - 50), которые подтягиваются к началу улицы из окрестных переулков и с интервалом в несколько минут проходят по улице. Впереди каждой колонны - "знаменосец". Он несет длинный бамбуковый шест, увенчанный бумажным зонтиком. На шесте две перекладины, между которыми закреплены бумажные фонари с вертикально выстроенными иероглифами. Вслед за ним идут музыканты. А перед колонной (построенной по три человека в ряд) "заводила - крикун". Он пятится вслед за музыкантами лицом к колонне и периодически поддерживает ритм, громко выкрикивая что-то похожее на:

"Яко Яко за!"

Колонна движется в неторопливом ритме барабанного боя в удивительном танце. Это даже трудно назвать танцем. Вы без труда за пять минут выучите все его па. Нужно лишь слегка присесть и развести в стороны колени. Шаг при движении выполняется в два приема: сначала нога отводится в сторону и касается земли на середине шага, и только после этого ставится впереди опорной и вес тела переносится на нее. Носки ног вывернуты наружу. Тело наклонено в полупоклоне вперед. Согнутые в локтях руки приподняты так, что ладони находятся на уровне лба. Тело качается в такт шагам, а руки выписывают волнообразные движения вокруг головы. На лице написана чуть пижонская, но сосредоточенная радость. Если Вы помните американский мультфильм про Маугли - примерно так танцевал медведь Балу.

"Яко Яко за!" - "Яко Яко за!"

На ногах белые носки, в которых, на манер варежки, для большого пальца сделано отделение, на подошве упругая стелька. Обтягивающие шорты до колена из тонкого белого батиста. Короткая, лишь до бедер, плотная бумажная куртка подвязана широким поясом, порою конец этого пояса свернут на спине в большой валик. Волосы могут быть перевязаны красным плетеным шнурком, или белой лентой с черными иероглифами на ней. В некоторых колоннах на головах у женщин сплюснутый по бокам конус соломенной шляпы, ее плотные завязки охватывают подбородок сверху и снизу. В руке может быть веер или бумажный фонарик, или какой-нибудь предмет крестьянского обихода.

"Яко Яко за!"

Все детали одежды у танцоров одной колонны совершенно одинаковы, но ни одна колонна не похожа на другую. Куртки отличаются цветом - синие, красные, желтые, белые - рисунком и покроем. Иногда ритм танца меняется от колонны к колонне, но чувствовать это начинаешь далеко не сразу. Порой проходит колонна женщин одетых в длинные, до щиколоток, шелковые кимоно. На ногах традиционные сандалии, где внизу деревянной подошвы два высоких и узких поперечных бруска. Они идут, опираясь на носок подошвы и первый из брусков, и так, на цыпочках, отчаянно стройные, проплывают мимо.

"Яко Яко за!" - "Яко Яко за!"

В отдельных колоннах, вместо крикуна-заводилы, вперед выпускают самую искусную танцоршу. Она, как змея, стелется над землей, ее руки вьются по воздуху, ее пылающие

глаза это окна в ночной мир чудес и невозможного. И кто-то из восхищенных зрителей выкрикивает ей:

- "Яко Яко за!"

Вдруг музыка обрывается. Колонна, как по команде застывает на месте. И после короткой паузы барабаны и гонги взрываются безумной дробью. Несколько стремительных па, и танцоры снова замирают. Через мгновение шествие продолжается в прежнем монотонно-завораживающем ритме.

- "Яко Яко за!" - "Яко Яко за!"

Вдоль всей улицы на тротуарах плотной толпой стоят зрители, здесь же, по дешевке, продают местное мороженное - мелко нарубленный лед, политый сладким сиропом. Время от времени на улицу выбегает парень с большим бумажным пакетом и начинает раздавать веера. Его тут же облепляет вопящая стая ребятишек, он бросает пакет на землю, им на растерзание, и, смеясь, убегает. Из окон вторых этажей хлопушки выстреливают ленты серпантина. Полисмены со светящимися жезлами прохаживаются вдоль тротуаров, совсем не такие важные, как в обычные дни - они обмениваются шутками с прохожими и треплют волосы многочисленной детворе.

- "Яко Яко за!" - "Яко-якО!" - после короткой паузы хором откликаются танцоры.

Я не понимаю смысла происходящего действия. Я случайно оказался здесь, на ночной улице в двух километрах от общежития. Но разве я понимал смысл происходящего, когда мальчишкой выбегал из дома, посмотреть на первомайскую демонстрацию? Есть ли вообще у происходящего смысл? Ведь я понимаю главное: это - праздник, это просто какой-то праздник. И через двадцать минут моя душа в кровь разбита варварскими тамтамами, тело качается в такт движения танцоров, на губах такая же блаженная улыбка, как и у остальных зрителей, а щеки мокры от слез. Я уже готов пристроиться вслед проходящей мимо колонне (как вон тот шестилетний мальчуган), но в последний момент сдерживаюсь. Впервые в жизни я жалею, что я японец.

"Яко Яко за!"

Е. Мария – королева цыган

Один из древнейших монастырей Румынии – Котрочене – расположен северо-западнее центра Бухареста. После войны его территорию разделила на две части новая автострада. Одну из частей ныне занимает ботанический сад, в котором горожане собираются в праздник выпить вина, а в летнюю сессию студенты зубрят свои конспекты. Вторая часть, где и расположены два здания бывшего монастыря, является одновременно и резиденцией президента и национальным музеем. Президент обитает в здании выходящим фасадом к парадному подъезду. Туристов запускают через невзрачную металлическую дверцу в толстой каменной стене, окружающей двор монастыря. Целью экскурсии является осмотр резиденции королевской династии, недолго правившей Румынией. Воскресным утром, в начале декабря мы вошли через эту дверцу. Большими хлопьями падал снег, необычно обильный для здешних мест в эту пору. Деревья парка в сказочно-роскошных белых папахах, молочный воздух снегопада, сквозь который смутно проступает двухэтажный особняк.

В Большой Советской Энциклопедии я не нашел ни слова, подтверждающего историю Котрочене, как и самого названия замка. На более серьезные изыскания я не отважился, поэтому, возможно, все что Вы прочитаете ниже - лишь моя фантазия, дополнившая не до конца понятый мною английский язык экскурсовода. И я с легкостью передаю ей перо репортера.

Жили - были король с королевой. Королева совмещала основную работу с поэтическим творчеством. Она даже издала несколько книжек романтических стихов, и за этот подвиг Британская академия приняла ее в свои члены. Король был солдатом, и дни проводил в боях и парадах. Когда их единственному сыну и наследнику пришла пора жениться, Королева стала подыскивать для него румынскую княжну. Король же рассудил по другому, и в одну из поездок в Берлин к своему родственнику Вильгельму I (с которым он вел переговоры о присоединении Румынии к Тройственному союзу) он сосватал для сына родовитую Германскую принцессу. В одной из комнат королевского дворца есть портрет ее царственного деда. Российский император Александр II, изображенный в папахе и регалиях, имеет вид несколько обескураженный, но достаточно бравый. А в коридорчике, перед входом в эту комнату, и сама принцесса является вошедшему на небольшом портрете, написанном пастелью. Правильный овал лица. Прямой нос. Тонкие дуги бровей. Светло-русые, почти пепельные волосы, вьющиеся крупными локонами. Спокойный – небо со сталью – взгляд. Она смотрит на Вас снизу вверх, но чуть оттопыренная нижняя губка придает лицу выражение властного и ленивого вызова. Мария – она вошла в Котрочене, чтобы стать самой красивой королевой в Европе.

Со дня своего приезда Мария принялась приводить в порядок здание монастыря, лишь недавно ставшее резиденцией Румынских королей. Для каждой из трех десятков комнат она лично выбирала стиль оформления и мебель, заказывала материалы для отделки и люстры. И не было во дворце двух похожих комнат. Все страны и времена – готика и барокко, ампир и рококо, неоклассика и буржуазный практицизм. Пять шагов и дверной проем отделяют шотландский чертополох от цветущей сакуры, египетского сфинкса от бронзовых змей викингов, тишину немецкой библиотеки от тяжелых столов испанского мореного дуба. Королева словно собралась выжать Земной шар как лимон, а золотые шкурки его разбросать позолотой на потолки и гобелены. За окнами дворца и листвой парка проносились войны и крестьянские бунты, призрак коммунизма, обретая плоть, бродил по Европе, а в Констанцу со всех краев Земли везли корабли сандал и мрамор, золото и хрусталь.

Специалисты до сих пор спорят – а вообще был ли вкус у королевы Марии? Оправдана ли такая вызывающая эклектика? Мнение мое не много стоит в этой полемике, поэтому я лучше еще раз взгляну на прекрасную королеву. За тронным залом, в небольшой комнате изображена она в полный рост. Отчаянно стройная стоит, опершись рукой на подлокотник трона. Легкие локоны из-под прозрачной белой накидки падают на плечи и грудь. Чуть наклоненная влево голова, и взгляд такой, что хочется упасть на колени и поцеловать подол длинного ее платья. Но почему припухли нижние веки и красны уголки ее глаз? Наверное, королева плакала всю ночь, уткнувшись носом в шитую золотом наволочку. А утром диктовала свое завещание, согласно которому, после смерти сердце ее будет извлечено из груди и в специальном ларце отправлено для захоронения на родину – к берегам холодной Балтики.

Снегурочка растаяла, так и не сумев полюбить безалаберную страну цыган и виноградников. Румыны помнят свою королеву. В Бухаресте есть улица и площадь ее имени. При разговоре о ней лица озаряет немного печальная улыбка – так человек, проживший большую и трудную жизнь, вспоминает любимую игрушку детства. Ее экстравагантный замок, поврежденный войнами, после изгнания ее внука медленно ветшал и, забытый, терял свое былое величие. В середине прошлого десятилетия (эта заметка была написана на девятую годовщину «кровавого рождества») на Котрочене обратил свой взгляд другой правитель – Чаушеску. Он решил отреставрировать его и сделать своей резиденцией. Жестокий и своевольный – он строил и ломал с одинаковым размахом. Начал он с уничтожения старинной церкви во дворе замка – в основном из-за того, что колокольня ее была на несколько метров выше того крыла здания, в котором он намеревался поселиться. После этого Чаушеску приказал восстановить, не считаясь с затратами, с максимальной точностью убранство всех комнат королевы Марии и с такой же пышностью заново отделать другое крыло монастыря. Работы были завершены за четыре месяца до насильственной смерти заказчика.

Снежные зимы – редкость в Румынии. Гололед и снегопад превращаются здесь в настоящее бедствие, иногда на неделю парализуя дорожное движение. Крестьяне прячутся в небольшие и узкие свои домики, и по вечерам, под вой ветра, бабушки рассказывают внукам сказки. О непобедимых римских легионах, о непримиримых даках, об Овидии, замерзающем у костра в заснеженной степи, об Олеко и Земфире, о пылающем сердце Данко. Есть среди них и сказка о самой прекрасной королеве на свете.

Ж. Янь и инь

(неоконченный роман о Барсике)

Как говаривал один великий русский математик: для простоты дальнейших выкладок предположим, что тело кота имеет форму шара.

1

В отношении Барсика предположение о его шарообразности сегодня уже не кажется слишком фантастическим. Пол года назад он разменял шестой год и вступил в пору расцвета. Особенно это стало проявляться к началу лета, когда шерсть его обрела здоровую пушистость, а сам он начал неуклонно набирать вес. Даже по кошачьим меркам не обладающий солидными габаритами, сейчас он постепенно превращается в пегий пушистый шарик, из которого торчит голубоглазая морда с ехидной улыбкой, четыре ноги и хвост, с изломом на последнем позвонке.

Да, шесть лет – великолепный возраст для кота...

Еще крепкий физически он уже приобщился мудрости, даруемой равно и знанием всех интимных закутков жизни, и блаженной леностью от осознания того, что главное он уже совершил, и остается лишь навести лоск на своем наследии, перед тем как передать его в лапы благодарных потомков. Именно в этом возрасте коты былинные обретали свое отчество и из простого Васьки превращались в почтенного Котофея Ивановича.

Барсику в этом не повезло – рядом с Мусием ему до конца жизни, похоже, придется ходить в маленьких шкодных котятках. И дело вовсе не в том, что Мусий старше – полтора года в этом возрасте не столь уж большая разница. И не в том, что Мусий, не менее пушистый (а его черный мех длинными волнами опускается почти до колен), заметно крупнее Барсика. Скорее причина, нет, даже не столько в разнице характеров, а в самом способе восприятия жизни.

2

Кто такой Мусий? – сказать о нем, что он философ – это не сказать ничего. С детства он привык к одиночеству, замкнутому пространству и долгим размышлениям. Именно размышления всегда занимали большую часть его времени. И даже это сказано не совсем верно. Вся его жизнь - это нескончаемая череда размышлений. Нет, никогда он не был сублильным очкариком, корпящим над пыльными книгами. Случалось ему и подражаться, любил он по молодости и порезвиться всласть. Но, при пристальном взгляде на его дурачества, всегда становилось понятно: это он не скачет как козел и шалопай, нет, это он решил, что не плохо бы поскакать как козел и шалопай, и старательно исполняет задуманное.

Забавно бывает порою понаблюдать за ним, когда, оторвавшись от созерцания ворон, он спрыгивает с подоконника, и отправляется на кухню подкрепиться. Он не просто идет – он шествует, не спеша, ни на миг не прекращая процесса мышления. Случается, что, отрешившись, он сворачивает по дороге не в ту дверь и, неожиданно оказавшись в темном углу перед шкафом, удивленно оглядывается по сторонам, пытаясь сообразить, как и зачем он здесь оказался.

В минуты хандры я думаю, что он не живет на свете, а лишь терпеливо переживает жизнь ради чего-то более важного, ведомого только ему. Но не таковы ли и все земные мудрецы?...

В этой квартире Мусий поселился, когда ему было полтора года. Вернее, его поселили одновременно с кучей всевозможного барахла, перетащив из общежития в хозяйственной сумке. Эти гулкие две комнаты, полные казенной мебелью и запахами недавнего ремонта Мусию не понравились. С обреченностью мыслителя он принял территорию во владение, но не унизил себя ни малейшим позывом к ее благоустройству. В то время он был простужен и морально измотан необходимостью постоянно скрываться от коменданта общежития, вознамерившегося выселить его хотя бы и на улицу, но восстановить поруганные правила проживания.

Переселение свое, хотя объективно оно и заметно улучшило его условия жизни, он воспринял как очередное бедствие из их нескончаемой чреды и продолжил осыпать свою судьбу проклятиями. Да, это еще одна замечательная черта характера Мусия: никогда он не опускается до разговоров с простыми смертными. Ни просьб, ни жалоб вы от него ни за что не услышите. Единственное, на что он иногда употребляет свой зычный голос – это выйти на середину вселенной и бросить в лицо судьбе непотребное и бессмысленное ругательство. Нет, он не рассчитывает на ответ, ему достаточно обозначить свое моральное превосходство.

Много лет он прожил уже в этом доме, но единственное, на что применил он свое право хозяина, свелось к самому малому. Он закрепил за собой несколько уединенных мест для размышлений и принял без протеста, когда в них появились коврики, чтобы он не простужался. Иногда мне кажется, что где-то в глубине Мусия тихо живет желание бросить все это пустое благополучие и одиноким скитальцем уйти в метель, леса и болота – уйти искать свою родную Украину, где у подножия старого террикона притаился крошечный домик на садовом участке. На участке, практически ныне заброшенном, после того, как хозяева покинули его по разным причинам. На участке, где и я посадил когда-то саженец грецкого ореха в день рождения сына.

Без сожалений покинул бы Мусий этот мир внешнего благополучия, если бы не одно обстоятельство. Судьба, которую он не устает проклинать (скорее по привычке, чем из ненависти), явила ему однажды свою бескрайнюю милость. Мусию, тогда еще бестолковому, но уже уставшему от бед котенку, повезло встретить друга. Кто это был? В сущности, такой же тощий и голодный котенок, может быть только чуть постарше. Что он сделал? Погладил? – смеетесь: плевать хотел Мусий на ваши телячьи нежности. Нет, он просто разделил свой небогатый ужин и отдал половину голодному Мусику.

Каждое существо, будь то кот или человек, понимает, когда с ним делятся последним. Потому, что это происходит совсем не так, чем когда тебя одаривают от избытка. И любое существо, будь то кот или человек, никогда не забывает того мгновения, когда с ним поделились последним. Не потому, что это трудно забыть, а просто потому, что это единственное о чем действительно стоит помнить.

О, скоротечный миг жизни кота! Сколь бездарным должно быть человечество, чтобы счесть гением того, кто указал на относительность течения времени. Мусик, нашедший в детстве старшего друга, оказался обречен неумолимой относительностью на судьбу всех стариков. Катать в постылых стенах черствый мякиш веры в то, что тебя еще не забыли и когда-нибудь вернуться. Жить от встречи до встречи, зная, что они будут все реже и реже. Прощаться, стараясь угадать, а не в последний ли это раз? - и каждый раз при прощании отдавать всю нежность без остатка, боясь, что иначе она умрет невостребованной. Вдрагивать от шагов в коридоре: что это – смерть или радость? Или это уже одно и то же?

А что же Барсик? Миляга Барсик, симпатия Барсик, пушистый котенок по имени "я всем нравлюсь", любитель из спортивного интереса очаровать соседа на кусок копченой колбасы? Наверное, он – единственный из обитателей здешнего мира не помнящий своих прошлых жизней. Слишком мал он был, когда появился здесь, чтобы сохранить в памяти свою вечно голодную мамашу и тощих пищащих братьев. Почему выбор пал именно на него? Дурацкий вопрос, на который можно придумать миллион правдоподобных ответов. Потому, что он был красивее своих братьев. Потому, что он первым из них научился лакать молоко из блюдечка. Потому... И все это будет ложью. Почему Вы читаете эти строки, мой уважаемый читатель?...

Поначалу мир оказался бесконечно огромным и населенным множеством существ, чьи имена и запахи трудно было даже запомнить. Первым из всего этого многообразия выделился Мусий – большой, флегматичный и теплый. Он единственный присутствовал в мире постоянно. Мягкий зверь с шершавым языком.

И сам мир, изначально огромный, как это не удивительно, но день за днем становился все больше и больше. Все новые и новые причудливые особенности геометрии разворачивались в нем и, вдруг, он разверзся ввысь. В высоту, в которой можно было покачаться, зацепившись когтями за занавеску. В высоту, куда можно было забраться, вскочив на диван и дальше, со спинки, по ковру, висящему на стене, куда-то в глубины необитаемого космоса.

Потом пришло лето, и распахнулась лоджия. Мир стал еще больше, наполнился мириадами летающих, ползающих и бегающих существ. Лоджия, по которой можно пробраться на сотню метров вдоль всего мира и повстречать и злобных монстров с веником, и пятнистую кошку из крайней квартиры, и много чего еще неожиданного, забавного и опасного. С круглых перил лоджии так славно было следить за полетом птиц, и однажды, увлекшись виртуальной охотой, Барсик сорвался со скользкой крашеной трубы. Оглашая окрестности безумным воплем, он шлепнулся сначала на жестяной козырек над дверью кафе, расположенного на первом этаже, а потом на ступеньки ведущей ко входу лестницы.

Это было самое страшное мгновение в его жизни. Нет, он практически не ушибся – второй этаж не та высота, которая ошеломит рожденного прыгать. Случилось нечто большее – вся его вселенная, каждый уголок которой был изучен и обласкан, в один миг сжалась в точку и исчезла. Жизнь окунула его во что-то поистине безмерное. Наверное, именно так каждый из нас узнает значение слова "дом".

Спросите у Барсика что такое дом.

Барсик знает о доме все. Он любит время от времени порыться на полках шкафов. Забраться на верхотуру антресолей и поточить там когти о старую картонную коробку от 14 дюймового монитора. Пройтись по подоконникам и надкусить листик на каждом из цветков: вот это горек, а этот душист. Открыть дверь тумбочки (а он умеет открывать все двери в доме, иногда ему даже удается справиться со шпингалетом двери на лоджию) и укрыться в ее душевной темноте.

Барсик знает о доме столько, сколько не знает о нем никто. Ведь это его дом. Все прочие пришли сюда уже взрослыми, пришли просто как в одно из мест обитания. И только

Барсик вырос здесь. Он знает тайные ночные тропы редких тараканов. Он знает, что самая свежая вода бывает в бачке унитаза, крышка которого разбилась в незапамятные времена. Он следит за каждым паучком, развесившим охотничьи сети где-то в углу над навесными шкафами, и радуется удачам бодрого восьминожки.

Он знает характеры и привычки всех здешних обитателей. Он умеет и подольститься, и досадить. Проще всего обходиться с Мусием. Если нужно его разозлить, то достаточно просто нахально перед его носом занять одно из мест философских раздумий, и мудрец тут же превратится в фурию. Можно легко привести Мусика в уныние, для этого нужно съесть весь корм из его тарелки. Этот гордец никогда не унизит себя поисками пищи, и, просидев пол часа перед пустой посудой, додумается лишь до того, чтобы в голос проклясть все на свете и отправиться спать. Можно превратить Мусика во взбалмошного котенка. Для этого, проходя мимо медитирующего мудреца, вы должны дернуть хвостом перед его носом и стремительно умчаться на кухню. И где он ваш философ? Не он ли это несетя сломя голову, перепрыгивая пылесос и буксуя на поворотах? Не намного сложнее управляться и со всеми прочими.

И все же, как вы думаете, что ответит Барсик на вопрос: что такое дом? Я спрошу его при случае, но почти уверен в ответе. Может быть другими словами, но скажет он примерно так: дом – это та ракушка, в которой выросла ваша душа.

7

Даже по кошачьим меркам говорить Барсик научился довольно рано ...

....

Наброски к эпилогу

Почему мы живем? Невеликая истина, о которой так часто забывают... Если мы до сих пор живы, то это значит, что кто-то любит нас. Каждый миг жизни оплачен чьей-то любовью. Ни одна самая малая былинка не проживет сама по себе – она просто сломается под тяжестью своего ничтожного веса. И только любовь дает ей силы жить.

Еще до рождения мы оказываемся вплетенными в мир сладкими паутинками любви. Именно благодаря тому, что нас уже любят, мы и появляемся на свет. И позже – маленькие пищущие комочки – впервые мы открываем глаза навстречу любви. Любовь может быть разной: она может и приласкать, и обидеть. В хищный мир приходят многие из нас и приходят хищными зверями. Но вот я смотрю в твои пылающие глаза. Ты можешь убить меня. Но любовь моя навсегда останется с тобой. Мое тело потеряет целостность и растворится в теле земли. Дух мой рассеется на миллион капелек и ляжет на траву и листья дерев. Его выпьют пчелы и птицы. И когда ты согласишься посмотреть вокруг, ты не увидишь ничего, кроме моей любви.

P.S. Похоже, роман о Барсике так никогда и не будет закончен. Эти заметки я сочинял, когда мы еще жили в служебной квартире на улице Строителей. Примерно через пол года после этого мы переехали в новую квартиру. Как и после каждого переезда, всерьез и на долго заболел Мусий – он стал настоящим скелетом, и у него вылезла вся шерсть. Когда он, наконец-то, пошел на поправку, стремительно начал худеть Барсик. Через три месяца он умер под наркозом во время запоздавшей операции – его убил рак слюнной железы. Мусий пережил Барсика всего на год. Он умер от тяжелой болезни внутренних органов, природу которой так и не удалось установить. Зверь солнечный и радостный, зверь печальный и лунный – вы всегда вместе и всегда рядом со мной.

3. Что такое звезда

Когда Фридман доказал, что уравнения общей теории относительности, примененные к вселенной, не имеют стационарных решений, Эйнштейн сначала долго смеялся, потом долго думал, потом сказал: "А парень-то, похоже, прав...", - и тут же постулировал тяготение вакуума.

Всяческие постоянные Хаббла, черные и белые дыры, большие взрывы и прочие шаманские заклинания появились уже позже. Но история звезд начиналась вовсе не с Эйнштейна и даже не с Канта с Лапласом, а с Евклида, понявшего, что структура и свойства звезды могут быть полностью изучены с помощью карандаша, линейки и кусочка бумаги, на обратной стороне которого в беспорядке разбросанная каппа спаривается с сигмой алгебры.

Что такое звезда? В рамках банального здравого смысла вы без труда отыщете ответ на этот вопрос. Звезда - это правильный многоугольник в центре, от которого расходятся равнобедренные треугольники лучей. Используя такое определение как руководство к действию, после изрядной тренировки в работе с циркулем и транспортиром вы построите звезду с любым, наперед заданным, числом лучей.

Но исчерпывает ли такое определение все многообразие реально существующих звезд? Не вдаваясь в тонкости доказательства Великой теоремы Ферма, я категорически отвечу: нет, никогда! Звезды бесконечно разнообразны! И, понимая неподъемное для смертного величие задачи исчерпать бесконечность, я расскажу лишь о нескольких звездах, из числа простейших.

Не знаю, обращали ли вы внимание на следующее принципиальное различие между звездой пятиконечной и звездой шестиконечной? - Звезда шестиконечная, построенная по всем правилам звездного зодчества, может существовать только в единственной модификации - как суперпозиция двух правильных треугольников. Звезда же пятиконечная всегда рисуется одним росчерком скучающего пера и к суперпозиции фигур более простых не сводима. То же самое можно сказать и о звезде семиконечной: вздорная гипотеза о возможности ее возникновения при пересечении квадрата и треугольника легко опровергается экспериментом.

(Можно показать, что семиконечная звезда, построенная из треугольника и квадрата, возможна только в пространстве с нецелым числом измерений. Эту задачку я оставляю любителям потренироваться в счете слонов перед сном, а сам эту тему закрываю на уровне априорного утверждения.)

Но перейдем к более интересному случаю - звезде восьмиконечной. Очевидно, что она может быть легко построена как пересечение двух квадратов. Но единственное ли это ее воплощение? Любая хозяйка со стажем без труда даст правильный ответ: нет. Достаточно лишь вспомнить пачку стирального порошка "Кристалл" времен развитого социализма, которую украшала именно звезда восьмиконечная и несводимая к суперпозиции квадратов. (Порою я думаю: а не появление ли такого сложного символа разрушило странную гармонию моего детства, с его жаркой верой в скорое освоение космоса и очередями за мылом и сгущенкой?)

И куда больший простор для разгула самой необузданной фантазии дают размышления о количестве возможных вариантов звезды с числом лучей, большим, чем 8! Я не буду

углубляться в детальный анализ, чтобы не испортить вам радость от самостоятельного открытия чего-то нового.

Лишь в качестве рекомендации замшелого эстета предложу вам такое упражнение: нарисуйте рядом две звезды - одну восьмиконечную "Кристалловскую" и вторую - девятиконечную, построенную из трех правильных треугольников. Затем, положите листок с рисунком на ровную горизонтальную поверхность, так, чтобы характерный размер луча звезды был меньше, чем расстояние от глаза до рисунка ровно в пятнадцать раз. После этого примите полноценный стопарь "Кристалловской" водки - и вы испытаете ни с чем не сравнимое наслаждение! Ну, если и сравнимое, то разве что с наслаждением от вида разбегающихся галактик, открывающегося за три часа до рассвета где-нибудь на пол пути к вершине Фудзи.

И. Аватара

В каждом уважающем себя и гордящемся своей историей научном центре обязательно есть свой чудак, порвавший все отношения с внешним миром. В исследовательском центре Юлих эту роль вот уже много лет исполняет «человек-лягушка». В своей первой нормальной жизни он был известным теоретиком, и до сих пор не гнушается написать пару-тройку замудрых формул и подискутировать на семинарах. Если верить местным легендам, то он уже несколько лет не выходил с территории центра. Смысл его прозвища одни объясняют тем, что питается он лягушками, пойманными в озере у кафе, другие – тем, что он, подобно лягушке, поедает разнообразных насекомых.

Я встречаюсь с ним вечерами у маленького общежития в корпусе конструкторов, куда меня обычно селят ввиду краткосрочности визитов. Сколько я его знаю – одет он всегда одинаково – в свитер с широким воротом и потертые джинсы. Приезжает на одном и том же велосипеде с разбитым седлом и фанерным ящиком вместо багажника, с обвислыми усами Тараса Шевченко, взлохмаченный и приветливый. «Как дела?» - спрашивает он меня. Оставив велосипед у двери, неспешно обходит оба этажа, и снова уезжает куда-то в темноту.

Есть свой отшельник от науки и в Брукхэвенской лаборатории. В офисе у него стоит раскладушка, и большую часть жизни он проводит на работе, включая выходные и праздники. Говорят, что жена бросила его несколько лет назад, и с тех пор внешний мир перестал для него существовать. Но, возможно, эти события произошли и в обратном порядке. Но как бы там ни было, на плечах этого чудака до сих пор держится половина диагностики коллайдера RHIC – одной из самых масштабных ускорительных установок современности.

Как-то раз, в солнечное февральское воскресенье, мы курили на причелке корпуса электронного охлаждения, наблюдали за семьей индюков, разгребавшей остатки снега у корней деревьев, и рассуждали о перспективах развития поисковых систем, построенных на принципе ассоциаций. Ветер, пересекающий Лонг-Айленд, оставлял в прозрачном воздухе можжевеловый запах океана. Вскоре к нам присоединился и упомянутый лабораторный затворник (благо, как и всегда, он был на работе) и, с некоторым скепсисом послушав нас несколько минут, рассказал такую историю.

«Случилось это лет пятнадцать назад на берегу озера Мичиган, когда мы с женой вышли на пляж позагорать. Место было тихое и чистое, облюбованное, в основном, мамашами с маленькими детьми. Я лежал на своей подстилке лицом к озеру, и вдруг в поле моего зрения возник зеленый кузнечик. Некоторое время мы смотрели друг на друга: кузнечик, как кузнечик, - ничего особенного. И тут он прыгает и ударяется мне прямо в середину лба, причем, достаточно увесисто. Пока я пребывал в растерянности, на месте первого кузнечика возник новый и проделал тот же фокус: со всего маху ударил меня в лоб. Я вскочил на ноги и с удивлением обнаружил, что все отдыхающие, как и я, атакованы неизвестно откуда взявшимися кузнечиками. И напор зеленых бестий был настолько неудержимым, что люди были вынуждены собрать свои вещи и буквально бежать с пляжа.

И что вы думаете? – едва мы с женой вошли в свой дом, как со стороны Мичигана налетел шквальный ветер. Он перевернул несколько стоящих на улице автомашин, и у одного из домов даже сорвал крышу. Если бы в это время люди находились на берегу, большинство из них погибло бы. Вот и объясните мне этот случай с помощью ваших наук: хоть информатикой, хоть кибернетикой! Какими каналами, какими способами информация об

урагане была передана кузнечикам и как воспринята ими? Нет, только квантовая механика, с ее непредсказуемыми флуктуациями может еще что-то сказать...»

Интересно, почему именно квантовая механика до сих пор, даже у физиков, связывается с чем-то логически труднообъяснимым? И это несмотря на то, что она незаметно разменяла столетие, если считать, что мир был обречен на встречу с ней уже на исходе века 19-го, когда Томпсон открыл электрон. Может быть просто потому, что процесс ее рождения документирован лучше, чем у других наук, и рождалась она отчасти вопреки воле, а отчасти и вопреки непониманию собственных творцов? Так, Макс Планк в канун 1900 года, спасая мир от ультрафиолетовой катастрофы, робко предложил принцип квантования энергии - как сам он прокомментировал эту эпохальную гипотезу: «скорее всего, это не более чем математический трюк, который позволяет избежать трудностей при расчетах».

Однажды случилось и мне навестить Макса Планка, а точнее, институт его имени. Самолет прилетел во Франкфурт около шести вечера, электричка с пересадкой – и из здания вокзала славного города Гейдельберга, приюта развалин старинных замков, дворца для съездов нацистов и знаменитого зоопарка, я вышел, когда уже изрядно стемнело (а дело было в начале марта). В город я попал впервые, и, найдя на стене киоска с информацией для туристов его план, выписал на бумажку названия улиц по предполагаемому маршруту к институту. Поглядывая то на бумажку, то на таблички на домах, уверенно закутался в одеяло сеющей мороси. Через двадцать минут, за автозаправкой, обнаружилось начало дороги, ведущей в гору, а институт, как я заранее узнал в Интернете, находится на вершине холма.

И вот, представьте себе картинку: темнота, редкий дождь, серпантинном вверх дорога. Сначала исчезли дома вокруг, потом автобусные остановки, а потом и тротуар. Кругом лес - кривые субтильные дубы и орешник, тьма из-за низкой облачности, и только время от времени мелькают незнамо куда летящие машины. Пол часа я упорно лезу вверх - никаких следов института, и вот на развилке выбредаю на указатель: в одну сторону пара названий, которых я в упор не помню на плане у вокзала, а в другую - синим по красному "лесные разбойники".

Не знаю, поймете ли вы меня, но как сладко бывает потеряться где-нибудь в самом центре цивилизованного мира! Что-то есть в этом чувстве от детского испуга перед страшной маской, вдруг встреченной на новогоднем карнавале: и страшно, и хочется расплакаться, и одновременно понимаешь, что все это понарошку – все это лишь часть общего праздника.

Еще более острое ощущение праздника неожиданно затопило меня с месяц назад, когда к десяти вечера я наконец-таки, перемахнув для этого через пол Земли, оказался в пультовой самого большого действующего ускорителя - Тэватрона - с надеждой посмотреть, как охлаждаются антипротоны в накопительном кольце на постоянных магнитах под названием «Ресайклер», или «Утилизатор». Два дня перед этим мы, скрывая нетерпение, ожидали, когда, сначала, закончится проверка техники безопасности на всех установках комплекса, потом, когда на линейном ускорителе ликвидируют предсказуемо неожиданные технические проблемы, потом, когда накопят в аккумуляторе первую партию из 500 миллиардов антипротонов.

Середина ноября не самое холодное время в Чикаго, но пронзительный ветер вылизал Иллинойс, температура упала ниже нуля, и редкие сухие снежинки покатались по голой земле. Десяток человек вечерней смены разбились на группки: каждая у двух рядов дисплеев диагностики своей установки, и отделились от всего мира и гулом оборудования,

и ветром за тонкими стенами барака, и мигающими огоньками, похожими на гирлянды на новогодней елке. Мэгги, которой выпало до 12 ночи заведовать Ресайклером, тряхнув соломенной челкой, говорила: я готова, - и 100 миллиардов антипротонов отправлялись из аккумулятора через несколько каналов транспортировки и через несколько секунд оказывались в Ресайклере. А где-то, за семь географий от Чикаго, в штате Теннесси огромный детектор, упрятанный в шахту глубоко под землей, ловил потоки нейтрино, образующиеся в источнике антипротонов.

Как-то поздней осенью в университете города Упсала мне довелось побывать на лекции новоиспеченного нобелевского лауреата. Студенты сидели на ступеньках лестниц амфитеатра, стояли в проходах, толпа в коридоре просовывала головы в дверь. С камчатки переполненного зала докладчик казался розовощеким крепышом, и по ходу выступления с жутко серьезным названием «Асимптотическая свобода: от парадокса к парадигме» он позволил себе небольшую хохму: «Согласно второму закону Эйнштейна масса равна энергии, разделенной на квадрат скорости света. Почему это второй закон Эйнштейна? – когда я был в армии, сержант обучал нас трем законам Ома. Первый закон гласил, что напряжение равно току, умноженному на сопротивление. Согласно второму закону Ома, ток равен напряжению, деленному на сопротивление. И третий закон: сопротивление равно напряжению, деленному на ток». Не этой ли логикой американского сержанта движима, не подзревая об этом, и вся современная физика? Ведь кузнечик скачет, а куда - не видит...

К. Сырная палочка

За час до полуночи в пункт скорой помощи пришла короткая эсэмэска: «Мне очень плохо». Как истинная баварка, фрау Фюнфтонн, не мешкая ни секунды, поправила прическу и подвела губы помадой, надела белый колпак, и вот уже мчит по пустынным, бледно-оранжевым от редких фонарей, улицам Гамбурга желтый камаз с красными крестами на бортах. Мелькнули полутемные окна Алтоны, где-то справа остался Репербан, мимо озер со спящими утками – дальше в дубовые рощи, следуя скупым советам глонасса.

Зависший над Европой американский спутник-шпион неожиданно заметил странного стремительного жука, пересекающего Германию и Польшу по направлению к линии образования снежного покрова. Два острых лучика его фар вдруг утонули в молоке метели и превратились в туманный голубой шарик, который резво покатился куда-то в сторону Москвы. «В конце-концов, я госслужащий, или нет? Должны же и у меня быть каникулы?» - проворчал себе под нос бортовой компьютер спутника, отключил видеокамеры и не стал ничего докладывать в Вашингтон.

А камаз, лихо подпрыгнув на лежащем полицейском, уже вырулил на проспект Боголюбова. «Тормози! Вход со двора, второй этаж, налево,» - металлическим голосом блондинки завершил сеанс связи навигатор. На звонок открыла женщина в бигудях, с усталым лицом:

- Да, я знаю этот номер, и хозяин телефона жил здесь когда-то. Но он уехал много лет назад, давным-давно поменял симку, и больше меня уже не любит. Наверное, произошел какой-нибудь сбой, и Вы напрасно спешили в такую даль...

- Ну-ну, дорогуша, не расстраивайтесь Вы так! Это моя работа. Лучше сто раз обогнуть свет, спеша по ложному вызову, чем один раз забыть человека в беде.

- Ну, может, Вы хоть чаю выпьете?

- Если с земляничным вареньем, то не удержусь.

Но не успел еще вскипеть чайник, как мобильник фрау Фюнфтонн сыграл турецкий марш, призывая ее в новый вояж. «Возьмите хоть бутерброд на дорогу!» Так сырная палочка, завернутая в тянучую пленку, оказалась в саквояже среди таблеток и шприцов рядом с тонометром. А когда на рассвете, измотанная ночными вызовами, фрау Фюнфтонн уснула на своей двуспальной раскладушке, сырная палочка выскочила на улицу из распахнутого окна и отправилась гулять по просыпающемуся Осдорфу.

Следуя какой-то немислимой кривой, вальяжные улицы старого пригорода бредут бесцельно, осененные платанами. За замшелой оградой двухэтажный гордый особняк белого камня нарисовал позолотой на рамах свои узкие окна. (Не здесь ли волшебный Эрнст Теодор Амадей встретился с мечтательным Гейне?) Но, нырнув под линию метро, дорога вдруг резко берет под уклон, и аспидно-черный булыжник мостовой с разбегу упирается прямо в широченную Эльбу. Где-то у горизонта угадав противоположный берег, только и можешь, что, невольно раскинув руки, воскликнуть: Какая же ты могучая! И пусть мне милее Свислочь и Дон, а сердце мое навсегда прописано в Киеве на берегу Днепра, но и ты, воплощенная мощь, нашла свое место в душе.

Взобравшись на невысокий парапет, сырная палочка наблюдала за пузырями пены, проносящейся вдоль берега. «Дас ист фантастиш!» - раздался вдруг за спиной возглас раннего прохожего: «Ничего себе прикольный гамбургер!» Сырной палочке представилось, что прямо сейчас ее начнут набивать котлетами и есть, и, в ужасе, не раздумывая, бросилась она в темную и тугую воду Эльбы. Тут же упругая волна накрыла ее с головой, и только отчаянно-долгий гудок океанского лайнера, уходящего в Рио,

заставил сердце вздрогнуть от предчувствия разлуки и еще раз вернулся, отраженный темно-красной квадратной башней с часами, стоящей на острове посреди реки.

В графстве Кент, в одном из пяти портов короля Эдуарда I – городе Сэндвиче – закончила последние тренировки мужская сборная Англии по кёрлингу. На пути в Гатвик неожиданно рассеялись облака, и встающее солнце, отразившись в море, ослепило водителя. Машина притормозила и свернула к берегу. И все пятеро стояли они у края земли, как древнегреческие атлеты, вздымая в небо щетки для натирания льда. О, Северное море, голубая сталь и белое серебро - зыбкая твердь твоя! «Не пожалею гинею, чтобы вернуться назад с победой!» – и тяжелый желтый кружок с портретом Елизаветы сбил барашек с косо накатывающей волны (а Девид еще не знает, что в полуфинале они проиграют финнам – или в этот раз все случится по-другому?). И никто не заметил, как сырная палочка, оставленная на берегу приливом, забралась в спортивную сумку и притаилась между круглыми полированными гранитными камнями. Пора в дорогу, и сумка полетела в багажник, а машина, приснув из-под мешлена галькой, - в аэропорт.

В крошечном гостиничном номере, в городке с колокольным именем Архальген, по бесплатному каналу я смотрел открытие зимних олимпийских игр в Турине. За окном шел постылый дождь, ветер шевелил жалюзи в мансарде, подсоленный жареный арахис я запивал красным вином из бумажного пакета... и невольно рассмеялся, когда увидел как, пристроившись в хвост английской сборной, бодро марширует по стадиону дубненская сырная палочка. Вспышка салюта на экране осветила висящую на противоположной стене репродукцию Сезанна, и на мгновение из полумрака выступил розовый домик, притаившийся на берегу заросшего пруда.

Огни праздника полыхали в небе Италии, расцветали перьями павлина и падали в реку По, подобно лепесткам хризантем. И дальше, следуя прихотливому руслу, скатывались с Альп, вдоль песочно-желтых полей с разбросанными в беспорядке огромными рулонами сена, - туда, туда, где тонет в Адриатическом море пропахшая болотом и йодом Венеция. Давайте зайдем в одну из маленьких ее лавчонок. Вот в эту, например, где стеклянная птица До-До вытаращила розовые глаза, а хрустальная бригантина ловит блески от люстр парусами, и мириады стеклянных безделушек, висящих на тонких нитях, отражаются в огромных зеркалах и убегают в ослепительную зеркальную бесконечность. Здравствуй, Изумрудный город!

А за углом булыжник грустной площади святого Марка залит горькой водой – где по щиколотку, а где – лишь рябью по камню. И бестолковые туристы, пробирающиеся к храму по специальным мосткам, и босоногая девушка, застывшая в луже с кроссовками в руке, и бравые моряки в белоснежных клешах пересекающие ее вброд, засмотрелись на вспорхнувших голубей. И остановившийся возле входа в кафе человек вдруг в сердцах махнул рукой и воскликнул: «Ну на что мне ваша пицца?! Сейчас бы сырную палочку!» - достал из кармана телефон, и из всех цифр, которые он торопливо набирал, вы угадали бы без труда только 49621. Но, заблудившись в пространстве и времени, его сообщение отправилось к фрау Фюнфтонн – в самое начало этого рассказа, а у ног его трепетал на воде лепесток хризантемы, приплывший из Турино.

Европа, пестрая и безалаберная моя родина! Где бы я ни был, если со мною случится беда, я знаю: ты бросишь все дела, поправишь прическу, подведешь губы помадой и примчишься ко мне на помощь.

Л. Прологомены

В «Из диалога о языке. Между Японцем и спрашивающим» Хайдеггера следы, направляющие мысль в область ее истока, сравниваются с рассеянным эхом далекого зова, ввиду того, что они довольно редко бывают внятны. Почему же не внятно рассеянное эхо далекого зова? Рассеянность, как рассредоточенность, предполагает, что эхо приходит со многих сторон одновременно, и невозможно угадать направление, из которого исходит дальний зов. Но невозможность угадать направление на исток зова еще не есть невнятность как не внимаемость.

Рассеянность, как невнимательность, может дать куда больше вариантов ответа. Например, рассеянное эхо забыло внять себя внимающему, или: рассеянный внимающий забыл внять дальнему зову. Царская небрежность языка позволяет дать и такой ответ: дальний зов бывает внятен лишь изредка, когда рассеянность внемлющего встречается с рассеянностью эха этого зова. Рассеянное повсюду эхо далекого зова, внятное лишь в мгновения рассеянности внимающего, ведет его мысль в область ее истока. Может быть именно так следует понимать Шри Ауробиндо, в освобождении от мыслей видящего первый и основной шаг на пути к истине?

Или рассеянность внемлющего, позволяющая услышать зов, это нечто иное, чем просто свобода от мыслей? Например, как у Заболоцкого:

На самом деле то, что именуют мной,-
Не я один. Нас много. Я живой.

И не о встрече ли с эхом далекого зова говорит он и годом раньше?:

...и нестерпимая тоска разъединенья
пронзила сердце мне, и в этот миг
всё, всё услышал я - ...

Но если так, то следы, ведущие мысль к ее истоку, становятся внятны человеку лишь в тот миг, когда тоска разъединения с самим собой, рассеянным в мире, становится нестерпимой.

Чтобы слова эти легли на землю, я расскажу случай, почти уже десятилетней давности, но до сих пор переживаемый мной как вполне актуальный.

Холодным июнем, около двух часов после полуночи, по пустынной дороге я направлялся к городу, расположенному километрах в шести. Тучи, начавшие собираться еще с вечера, полностью затянули небо, и тьма была абсолютно непроницаема. Я рисковал свернуть себе шею на неровной дороге, но шел как мог быстро – до дождя нужно было отыскать ночлег. В состоянии подавленном и мрачном, подстать бродяжьей ночи, я был сосредоточен лишь на ожидании очередного ухаба. И вдруг что-то как бы толкнуло меня – я застыл на месте, не в состоянии двинуться дальше. Это что-то не было материальным препятствием, но удерживало меня в неподвижности ощущением бесконечной важности происходящего где-то рядом. Несколько минут я простоял в оцепенении, пока новый порыв ветра не объяснил мне все. Я перешел дорогу и ощупью отыскал дерево у обочины. Я коснулся пальцами листьев – да, это был серебристый тополь.

Листья серебристого тополя своеобразны. Одна сторона их жесткая, темно-зеленая, похожая на вошеную бумагу. Другая – светлая и мягкая, словно покрытая седым пушком. И, когда порыв ветра обнажает светлую изнанку листьев, дерево становится похоже на кисть полынной серебрянки, а жесткие листья его издают характерный скребуще-шелестящий звук. Три таких тополя росли на причелке дома моей бабушки, и бабушка называла это дерево нежным женским именем «тополя» с ударением на втором слоге.

Летом, ночами ненастными или дождливыми, меня укладывали спать в доме. А чтобы не было душно, из рам вынимали стекла. Я засыпал при тусклом свете керосинового ночника, а за окном над моей головой ветер трепал и рвал жесткую листву. Отжив свой век, тополи высохли, и, когда мне было четырнадцать лет, я помогал отцу распилить на дрова хрупкие мертвые их тела. Той же зимой они сгорели в узкой грубе вместе с торфяными брикетами и вишневыми косточками. Лишь на старой фотографии, снятой еще до моего рождения, где нет еще у дома ни маленького садика с абрикосами и вишнями, ни куста чайной розы, ни беседки дикого винограда, стоят три стройных дерева, все ветви которых устремлены вверх.

Забывшее детство мое, отделенное от меня тысячей километров и тысячами дней в один миг стало рядом через невнятный шелест невидимой листвы.

Событие это, казалось бы, ничтожное, но в сути своей почти чудесное, на много лет определило мою философию и мое отношение к окружающему миру. Ведь если человек действительно призван в мир для восприятия того духовного начала, которое в мире заключено, для пестования и взращивания этого начала до более высоких степеней, вплоть до абстракций выраженных словом, то что может быть важнее и интереснее, чем уловить момент зарождения мысли? Тот миг, когда воспринимающий еще не отделяет себя от воспринятого, но состояние его души уже необратимо изменилось. Заметить область истока мысли, из которой проистекают все наши радости и горести, наши поступки, в которой мы постоянно пребываем и, возможно, поэтому остающуюся для нас невнятной и скрытой. В любой тонкой перемене настроения пытаться отыскать ту малую причину, которая ее вызвала. Это может быть звук или запах, это может быть цвет или прикосновение, но всегда это будет частичкой нас самих, рассеянных в мире. Собирая и сохраняя, часто в тайне даже от себя самих, эти частички мы становимся собою и бережем в них свою целостность.

Именно так, через тонкие узелки узнавания, хотелось бы мне провести линию жизни по странам и городам. И начать с города, где приютился сегодня мой игрушечный домик на колесах.

Первая встреча, по адресу, более уместному в сборнике сказок, чем в записной книжке. От остановки электрички пойдешь назад, никуда не сворачивая, и найдешь дом с надписью на стене «Атом не солдат...». Номер квартиры спросишь у соседей.

В первый вечер, часов в одиннадцать я вышел к берегу Волги. Белесые полосы тонкого льда у берега с пятнами воздушных пузырей, и тяжело медлительно ворочается умирающая река.

Над белым берегом реки
поселка тлеют огоньки.
Безмолвно черная вода
лежит мертва у кромки льда.
О ворот мерзлого плаща
снежинки сухо шелестят:
Нас научили холода
как жить, меняя города-
берешь билеты никуда
и улетаешь навсегда,
и лишь привычная беда
тебя отыщет без труда.

Зима, когда весь город состоит лишь из сосулек и снега, вокзала и четырех улиц между общежитием и проходной. Ключ от комнаты, койка, под которую можно засунуть чемодан, и черные ветки нарисованные неоном на обмороженном стекле. Нежданная оттепель в январе и по мрачной гравюре расплывается капля акварели:

Рыжий вечер. Безветрие. Капает с крыш.
В рыхлый снег, в сонный лес завернулся поселок.
Затаив на мгновенье дыханье, услышишь
как снежинки срываются с тонких иголок.
Всхлипнул снег под ногой - обитатели крон
вдруг спросонья сорвались и прыгнули в небо.
Что ж ты вздрогнул? - ведь это лишь стая ворон
чертит крики корявые. Черным по белому.

Вялая, неторопливая и неопрятная весна. Долгое таяние снега, когда из-под ватных сугробов проступает мусор и медные монетки. Где-то между синим окном дисплея и буханкой черного хлеба в ночном киоске приходит июнь.

После тусклых, по-подвальному прохладных коридоров установки «Ф» окунуться в хвойную баню черной летней ночи. В кромешной безветренной темноте пробираться по аллее к проходной, и вдруг почувствовать, как асфальт под ногами сменяется упругими кочками, а лица касаются мягкие листья яблони. Застыть на несколько минут, наслаждаясь и своим детским ужасом и бесконечно мирным покоем вокруг. Наскучив неподвижностью, у соседнего дерева начинает шумно, с тяжелыми вздохами, работать ёж. Можно сделать несколько шагов в направлении звука и ощупью отыскать в траве его вздрагивающие колючки.

Цветные открытки, разбросанные от плотины до пансионата в Ратмино.

Кривая сосенка спрятала вершину под мышками у трех вызывающе стройных берез. А в стороне от тропинки, за трухлявым пнем шевелится террикон муравейника.

Рябинка положила голову на широкую лапу сосны, и, кажется, что красные ягоды наколоты прямо на иголки.

Закат купается в стеклянной стене здания, похожего на положенную на бок четвертушку цилиндра. Светло-розовые гладкие полосы лежат на реке. Над полем и темной каймой леса, над полетом стрижа, золотом и рубином горят причудливые облака.

Как протяжно и горько зовет электричка у переезда, когда в сентябре за клубом багровые листья клена трогают по утрам иней. Паутинки льда на лужах трескаются под неловкими шагами.

Замкнулся круг, цветные стеклышки сложились в картину. Радость открытия уступила место домашнему уюту. И вот он весь: сосна и береза, липа и клен, без острых углов, словно слепленный из пластилина, по-провинциальному неторопливый город у реки в полукольце леса. Куда ж нам плыть?..